

V. ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. 1941–1945

Моим воспоминаниям о жизни в течение не длительного, но катастрофически тяжёлого периода варварского нападения на нашу страну немецко-фашистских орд я хочу предпослать документальные выдержки из повседневных записей и сохранившихся дневников за 1941–1944 гг.

Записи и дневники ведутся мною уже десятки лет, как вспомогательное средство для последующего выполнения поставленных перед собою задач и лежащих на мне обязательств. Эти записи предназначались только для самого себя. В них тщательно устранены всё и всякие соображения, кроме единственного — точного соответствия их воспринимаемой мною тогда действительности.

Выдержки из записей в дневниках

1941 г.

22 июня. Воскресенье. Утром я был в Пушкине — в Коммунальном садоводстве, покупал рассаду. Уходя из питомника, услышал по радио ужасную, потрясающую весть о начавшейся войне с Германией, о нападении без всякого объявления войны гитлеровской авиации на Севастополь и Киев, Одессу и Минск.

27 июня. На заседании О[бщест]ва гигиены я предложил резолюцию о готовности всех его членов отдать все без остатка свои силы для пользы военно-санитарного дела. Вместо стоявшего в повестке дня моего доклада об исторических параллелях в деятельности двух гигиенических о[бщест]в — Пироговского в России и American Public Health Association в США, я сообщил об основном содержании возможного содействия гигиенического общества для охраны здоровья в период войны.

20 июля. Во время утренней прогулки заметил следующие меры для поддержания условий санитарного благоустройства Ленинграда:

1. Сбережение школьных парт, выброшенных теперь из школ во дворы, прямо под открытое небо.
2. На свалках и во дворах собирать металлолом и железо оград.
3. Организовать обслуживание детей-дошкольников питанием и уходом.
4. Организовать школьные бригады для спешной заготовки на зиму ягод и грибов.

Нужно учесть неизбежное резкое снижение рождаемости с мая 1942 г. вследствие мобилизации мужчин в июне–июле 1941 г. Соответственно уменьшение родовспомогательных организаций и взамен того меры к максимальному сбережению и укреплению детей возраста 0–4 лет.

Необходимо установить формы взаимосвязи и координации работы общегражданских и военно-санитарных лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений.

5. Наиболее важны меры к поднятию питания населения путём мобилизации местных ресурсов (огородно-садовое, овощно-ягодное), использование для этого площади, свободной от застройки, внутри кварталов, а также вообще в самих населённых местах и их окружении, рыболовство и пр.

6. Нужно проводить санитарно-технические меры по очистке города, канализации, ассенизации, водоснабжения, жилищного благоустройства.

7. Произвести санитарно-статистические работы по сравнению состава больных (Ленинграда и области) за III квартал (июль–сентябрь) 1941 г. и за тот же период предшествующих лет (1938–1940) по возрасту, полу и по формам болезней в больницах и по обращаемости в поликлинической сети.

Выяснить влияние особых условий военного времени на характер заболеваемости, смертности и летальности путём анализа соответственных материалов, врачебных свидетельств о причинах смерти.

8. Привлечь внимание к вопросам рационализации и максимальной целесообразности, бережливости и экономии в хозяйственном обслуживании, снабжении всей сети лечебно-профилактических учреждений в городе и в селениях (лекарственное, аптечное, бельевое хозяйство, банно-прачечное, пищевое снабжение, топливо, персонал и пр.). Особое внимание регистрации, документации и отчётности в лечебно-профилактических и санитарных учреждениях в военных условиях.

23 июля. С 2 до 4 часов — осмотр двух школ, занятых для размещения зачисленных в армию добровольцев. Во дворе школ свалены под открытым небом парты. Двор обеих школ остаётся неблагоустроенным.

24 июля. 12–3 ч. ГИДУВ, написал записку о немедленном устройстве резервного водоснабжения (колодцы, запасной пруд), а также об устройстве навесов для школьных парт и водопроводных сооружений.

3–5 ч. 2-й ЛМИ. Разборка архива кафедр для выделения того, что должно быть эвакуировано и что подлежит уничтожению.

28 июля. Дежурил на кафедре до 8 ч[асов] веч[ера]. Прочитал «Химическая служба на участке МПВО».

1 августа. В первой моей лекции во 2-м ЛМИ наметил сказать: Об исключительности времени, когда приступаем к занятиям. Все усилия, на ка-

кие мы способны, все средства — на отражение врага, на борьбу с нависшей над нашей родиной опасностью, на оборону, поддержание здоровья и сил народа. Но в то же время нужно в более короткие сроки подготовиться заменить тех, кто призван в ряды армии, нужно спешно вооружаться знаниями. Вы должны стать достойными имени советского врача в такое трудное время. Что же такое советский врач, в чём его особые отличительные качества? — Он — организатор народного здравоохранения, советской медицины, которая впитала в себя всё лучшее, всё наиболее ценное из периода развития нашей общественной медицины. Это медицина, обслуживающая здоровье всего трудового населения.

9 сентября. В 7 час. утра отправился на дежурство во 2 ЛМИ, по пути — воздушная тревога, отсиживался в «щели». Затем ползком пробрался на ул. Восстания. В часы дежурства прочёл очередную лекцию 4-му курсу о сел[ьском] врачебном участке (с 10 до 12 часов). В течение всего дня с небольшими перерывами — повторные воздушные тревоги. С трудом добрался вечером до дому.

10 сентября. Весь день воздушная тревога. Много часов понадобилось, чтобы добраться до ГИДУВа. Вечером дома. Во время вечерней тревоги часть времени по приказу провёл в канаве (в «щели»).

13 сентября. С шести часов утра засыпал землёю ямы подле «щели», выравнивал подходы к ней и одерновывал. Работал затем на огороде до 11 часов. Доработался первый раз за всё лето до чего-то вроде сердечного припадка: стало не по себе, закружилась голова, тахикардия. Но потом всё прошло, и я продолжал копать. Боль в области сердца оставалась долго.

22 сентября. Из-за воздушной тревоги только вечером поздно добрался до дому.

7 октября. Время проходит, как в тяжёлом сне. Завтра, как сегодня. Сегодня, как вчера. Во вторник дежурил с 8 до 12 во 2-м ЛМИ. С 9 утра до 12 час. читал лекцию группе 4-го курса о сел[ьском] врач[ебном] участке. Чрезвычайно трогательны для меня заботы обо мне помощников по кафедре — С. И. Перкаля и Т. С. Соболевой. Постоянное чувство голода направляет мысль на поиски возможности пообедать. Обед без карточек — только первое. В понедельник виделся с Иликом. Милый, хороший, жизненный.

8 октября. К 10 час. утра — поездка в Зубоврач[ебный] институт для починки протеза нижней челюсти, сломавшегося при жевании корки ещё в понедельник.

9 октября. Ужас, невыносимая боль — немцами занят Орёл, бои идут за Крым (Мелитопольское направление) и Вязьму.

23 октября. ...Ночью прочёл сильную, заслуживающую внимания и всяческого распространения статью Ал. Толстого из «Красной Звезды» — «Кровь народа». Звучат не менее искренние ноты, чем в статье о Москве несколько дней назад, но написана сильнее и больше отражает глубокий смысл исторической преемственной ответственности. Привёл в порядок начало моего текста к работе о ранней детской смертности.

26 октября. С 3 до 7 пешком в Электротехническую академию. Виделся с Иликом. Окончил перечитывание 3-го т[ома] «Войны и мира». На этот раз внимание при чтении приковано было как раз именно к тем тягучим

рассуждениям о войне и массовых движениях, которые не привлекали к себе внимание прежде.

29 октября. ГИДУВ, с 3 до 5. Внёс предложение в дирекцию прочитать курс по оборудованию и санитарно-гигиеническому содержанию больниц и военных госпиталей.

30 октября. ...Удалось утолить невыносимое чувство голода двумя тарелками рисового супа и полной тарелкой каши.

31 октября. ГИДУВ. Подкрепил силы в столовой. Получил тарелку (полупорцию) соевых бобов (очень питательных) и макарон. Большое удовольствие утолить сосущее чувство голода. Получил карточку на ноябрь в столовую. По пути домой на трамвае № 38 — задержка в пути. Пришлось идти. Пришёл в 8 часов вечера.

7 ноября. Утром в 6 часов прослушал убежд[ающую], отчётливую, как всегда, речь Сталина. Речь замечательная по ясности построения: 1. Отсутствие для немцев войны на два фронта. 2. Но — бесплодность аргументов об опасности революции. 3. Гитлеризм — не национальный и не социальный, а реакционный империализм.

Причины немецких успехов на фронте: большая, чем у нас, подготовленность и преимущество в вооружении (танки, авиация, артиллерия), но есть основания к изменению соотношения сил в нашу пользу: 1. Тыл у нас ближе и крепче. 2. Красная Армия в процессе войны становится кадровой. 3. Неизбежность появления 2-го фронта. 4. Выравнивание в числе танков, авиации и артиллерии.

13 ноября. Вчера, в среду, терпеливо проделал в Доме учёных всю процедуру для получения права на обед. Простоял в трёх очередях, в одной из них — для получения пропуска в столовую. В общем, потратил на это 3 часа, но поесть ничего не удалось, требовались продуктовые карточки, которых у меня с собой не было. Унизительнейшая, гнусная процедура убивания сил и времени тысяч учёных.

14 ноября. Весь вечер и ночью — непрерывно повторяющиеся воздушные тревоги. Под гром взрывов и стрельбу зенитных орудий возвращался вечером пешком от Флюгова пер. Зарево пожаров. Сотрясение от сброшенных бомб. Усталость и неутолимое мучительное чувство голода убивают способность к работе. Утром сегодня, после тревожной ночи, в 6 ч[асу] у[тра] — опять воздушная тревога. Опять гром зениток и сотрясение взрывов. На дворе — холодный, леденящий ветер. Зарево пожаров на Петроградской и Выборгской сторонах. У горизонта полосами подымаются чёрные тучи. Безотрадно холодно, пусто. В 7 ч[асов] — отбой в[оздушной] т[ревоги], но в 8 ч[асов] утра опять выматывающее душу завывание сирен, возвещающее о новом налёте.

15 ноября. С 11.30–2 ЛМИ. Затем отправился в Мечниковскую больницу на лекцию. По пути — воздушная тревога. Замёрз, ослабел. После тревоги приехал в Мечниковскую больницу, в павильон 33. Аудитория пустая.

19 ноября. Утром обычный круг работ (с 6.30). Затем — попытка поездки во 2 ЛМИ для переговоров с Т. С. Соболевой по вопросу Гос. мед. издательства. Поездка тягостно неудачная — полное нарушение трамвайного движения, воздушные тревоги. Ни Т. С. Соболевой, ни С. И. Перкаля на ка-

федре нет. Усталость и мучительное чувство голода. Но в столовую проникнуть не мог из-за огромной очереди. Кроме того, кроме водянистого «супа» без круп и овощей, но с отрезом талона из карточки на 25 гр. крупы — там ничего нет. Право на получение стакана чаю по столовой карточке передал служительнице по её просьбе (у неё двое детей). Неуютно, холодно, пусто. С 3 до 4.30 ГИДУВ. Возвратился домой на № 38 трамвая в 6.30 вечера. Воздушные тревоги начались после 7 ч[асов] вечера. Дома — немного писал введение к работе по 2 ЛМИ о ранней детской смертности. Ночью — закончил 4-й т[ом] «Войны и мира». Написан он был в 1867–68 гг. Последняя чисто философско-теоретич[еская] глава (философия истории) заключает в себе характерные для Л. Н. Толстого рассуждения о существовании власти. Чем меньше непосредственных действий, чем дальше от непосредственной активной деятельности, тем больше власть. А далее широкие обобщения о свободе и необходимости с элементами диалектического разрешения по типу завоеваний математики дифференц[иальных] и интегр[альных] исчислений и анализа бесконечно малых. Я решил осилить до конца.

20 ноября. В столовой Дома учёных теперь пустовато. «Обед» едва ли покрывает калории, истраченные на пешее хождение до Дома учёных от Невского: с вырезкой талонов на крупу (по 25,0 гр.) в пределе подаётся (без ножей и вилок, но на отдельной тарелке и с ложкой) 1 тарелка кислых щей без приправки, т. е. вода и немного кислой капусты — $10 \times 4,1 = 41$ кал[ория] и 2 небольших «сырника» без творога — $20 \times 4,1 + 20 = 100$ кал[орий]; 1 стакан почти совершенно не сладкого чая — $8 \times 4,1 = 32$ кал[ории], всего — 170 кал[орий]. Хлеба вместо дневной порции в 200 грамм с сегодняшнего дня выдаётся только 125 гр. Если половину этого съесть за обедом, т. е. 62 гр., то это в пределе может дать ещё 36 кал[орий], т. е. в лучшем случае 1/5 того, что нужно получить за обедом при обычной мужской ходьбе. Лучше не ходить и сберечь свои 100 калорий.

22 ноября. Как обычно, работал во дворе. Затем колос дрова, заправил печи, разметал снег. Отпилил три крупных ветви от дуба подле водомерной будки. 4 — 4.30. Сел на трамвай № 38, который в течение более чем 2 часа возил по Кировской и Литейному, по ул. Восстания и Некрасовской, по ул. Жуковского к Летнему саду, по Кировскому проспекту и т. д.; а затем на № 26 без воздушных тревог в 7.30 вернулся домой.

23 ноября. Трагические впечатления от неожиданного прихода с мешком, в поисках пищевых крох для ребёнка, архитектора, автора «Планировки промышленного города» С. П. Покшишевского. «Кашка» — остатки мусорной ямы. Подкормился лепёшкой из отрубей. Вечером написал новую редакцию добавления в предисловии к моей книге об «удлинении жизни». В нём отмечалось значение выхода книги в условиях, сложившихся в Ленинграде. Вероломное нападение на Советский Союз разбойничьих гитлеровских орд сняло с очереди и отодвинуло на отдалённый план вопросы и дела мирного творческого строительства науки и жизни, вынудило сосредоточить все силы и средства на непосредственных задачах отражения врага. Однако определённый строй понимания демографических процессов и проблем в нашем обществе, их увязка мною с историко-материалистическим, социально-экономическим и философским миро-

пониманием, лежащим в основе содержания моей книги, представляет актуальную ценность в сложившихся исключительных условиях, когда руки фашистских агрессоров занесены над нашей культурой, грозя её уничтожением. Издание книги об удлинении, умножении сроков жизни людей в Ленинграде, когда над ними нависла угроза удушения голодом, холодом, непрерывными бомбардировками с воздуха и обстрелами артиллерией, было бы особенно знаменательно и служило бы показателем незыблемости воли к сохранению и утверждению советской культуры, уверенности в победе, в окончательном разгроме вражеских сил.

25 ноября. Утром — темно, нет электричества, не действует водопровод, стоит трамвай. Попасть в город нельзя. Приводил в порядок и дписывал несколько листов (6 страниц) введения и обоснование работы о ранней детской смертности. В 12.30 появился свет, но тотчас же началась воздушная тревога. После отбоя я пошёл к трамваю, но его не было. Вернулся в 6 часов.

26 ноября. Доехал на трамвае только до Литейного и опять воздушная тревога. Пешком до 2-й Советской. Во 2-м ЛМИ с 2 до 4.30. Пешком из 2 ЛМИ в ГИДУВ. Был у зам. директора, получил копию отзыва комиссии о моей книге. В 5.30 опять воздушная тревога. Пешком из ГИДУВа, через Литейный мост в Лесное, под вой и гул пушек, при отсутствии электричества. Пришёл домой в 8.30 усталый, голодный.

27 ноября. Мучительные волнения от слёз, горя, импульсивности внучки Любочки¹, стремительно убежавшей из дома, не съев ничего. Только поздно вечером вернулась. Попала под артиллерийский обстрел и взрывы бомб. Ужас бессилия что-либо узнать о ней и помочь ей перекрывает в течение всего дня и вечера сознание. Отсутствие света не дало возможности работать. Бесконечная воздушная тревога. Радио молчит. Исполнил желание Т. С. Соболевой и С. И. Перкаля — подготовил для них мои фотографии с надписями. Вечером и ночью (до 2 ч.) лежал в полной темноте. Работать нельзя за отсутствием света.

28 ноября. Весь день просидел дома. Ходил в очередь для получения «хлеба» по карточкам на 4 души на 2 дня (8 пайков = 1200 грамм). По дороге не в силах был удержаться, съел привесок в 50 гр. Горьковатый, не пропечённый, но как бы хотелось съесть весь килограмм! Немного писал литературную часть к работе о ранней детской смертности (о мёртворождаемости). Обстреливается немецкими дальнобойными орудиями Выборгская, Петроградская сторона и район центра города.

1 декабря. Необходимо во что бы то ни стало наладить в городе захоронение всё нарастающего числа умирающих от голода. Ведь это возможно: при смертности 100 на тысячу в год, т. е. в десять раз большей обычного в месяц, это значит 300 тыс. в год или до 1 тыс. захоронений в день. Грузовик

---

¹ Дочь средней дочери З. Г. Френкеля — Лидии Захаровны от первого брака с Вадимом Жаковым. Непосредственно перед началом войны окончила 10-й класс. Когда её мать с братьями и семья младшей дочери З. Г. — Валентины Захаровны были эвакуированы, Любочка осталась с дедом, бабушкой Любовью Карповной и старшей дочерью З. Г. — Зинаидой Захаровной в Ленинграде.

может взять 12 за один раз, 8 раз в день, т. е. 100 захороненных; в пределе, следовательно, нужно не более 10 грузовиков. Употребить для этого поливочные автоцистерны, сняв самые цистерны с шасси, но нельзя оставлять неделями лежать умерших в квартирах и на улицах. Немедленно открыть временные кладбища, всюду, где были они раньше закрыты, а также в городских парках и на пустырях. Захоронить, как в Лондоне, — по несколько в одном гробу. Организовать от треста бригаду для захоронения в каждом районе. Проявить в этом не словесность, а элементарную дееспособность. В более глубоких частях траншей и щелей, где почва не загрязнена, устроить заглубление ещё на 2–3 метра для дренажной воды и для использования этой воды в случае экстренной надобности (пожар, при остановке водопровода). Чтобы не предоставлять самотёку вырубку деревьев и слом заборов на топливо, спешно осмотреть в каждом районе и выделить подлежащее слому. Написать об этом в Исполком.

2 декабря. 23 ч. 30 мин. Прошёл день тяжкого раздумья в полной оторванности, в одиночестве. Просматривал мои тетради за три года — с 1939. Как нищенски скудно содержание дня теперь, в последние два–три месяца, по сравнению с прошлым годом. Просмотрел бегло всю книгу мою о старости, как части общего динамического комплекса жизни и творческого процесса О[бщест]ва. С болью ощущаются все искажения, внесённые разнужданным разгулом тупой, презренной, жалкой, более чем подлой, убогой цензуры типа Сагаловича. Не потеряло жизненных соков желание моё всё же ещё пытаться выпустить книгу, расширить её, сделать вставки. Их так много созрело уже у меня в голове. Восстановить хотя бы некоторые из купюр, внесённых идиотом и негодяем Сагаловичем. Какое-то субкортикальное¹ самосохранение отводит меня от мыслей о бедных моих сёстрах-старухах. Где они? Что с ними? Если их уже нет в живых, как прошли последние дни их жизни в Остре? Какие ужасы и мучения выпали на их долю?! Светлая радость моих недавних свиданий с Иликом теперь кажется таким безвозвратным счастьем. Его отлёт и марш из Ленинграда — в далёкий тыл на учёбу — вносит опустошение в содержание моей жизни.

5 декабря. Утром был на Михайловской², ул. Герцена, 3/5. Пешком от Ланской домой с корзиной. Ослабевший наш пёс Норд — близок к издыханию. До конца дня я дома — потрясающий артиллерийский обстрел. Вечером по радио статья Николая Тихонова. Написал ему свою солидарность.

7 декабря. Работа во дворе. Голодно, холодно, серо. Непрерывный гул и сотрясения от орудийной стрельбы. Написал в окончательной редакции письмо «Отклик на выступление по радио Тихонова». Вечером мне передали о смерти Ник. Алекс. Крысова — от голодного истощения. Давно ли многообещающий корабельный инженер, которому я написал акrostих «Корабль в море выплывает» и т. д. — и такая скучная, серая, но тем страшнее и трагичнее смерть упавшего духом, ослабевшего от голода и отсут-

¹ Подкорковое.

² На углу Михайловской ул. и Площади Искусств в старинном здании находилась квартира дочери Захара Григорьевича — Лидии Захаровны, уехавшей в эвакуацию.

ствия душевной опоры человека хорошего, мягкого, но без направляющей сильной воли, который, как я писал о нём в 1920 г.: «тщётно град взыскует горний». Ноющее и казнящее чувство вины, что я не проявлял к нему чуткости и внимания в последний месяц, когда он приходил на «Полоску», как я теперь понимаю, за всяческой поддержкой. Бесповоротно — в этом тоска и ужас непоправимости.

Темно, гул орудий. Можно только лежать и думать, не закрепляя мыслей, не обращая их в умственную работу. А кругом атмосфера напряжённого нервного недовольства, возбуждённости, придирчивости... Вечером зашёл беженец Егор Козлов. Он устроился в ветеринарной лечебнице — убивает доставляемых собак и др[угих] животных и продаёт их части.

8 декабря. Вследствие снежных заносов и метели трамваи не ходили. Просидел весь день и вечер в полутьме и полной темноте дома с заколоченными окнами. Принудительное безделье. Периостит верхнего левого альвеолярного отростка. Невыносимо больно и познабливает.

9 декабря. Вышел из дому. Пошёл до Сердобольской ул., пути трамвайные не расчищены, тока нет. Пустился в путь пешком, чувствую себя совсем больным. Ушёл недалеко. Стало ясно, что до города не дойду. Повернул обратно, через парк, к Английскому проспекту. Трудно. Отдохнул, постоял. Приналёг, но от изнеможения потемнело перед глазами. Подумал — пришёл конец, такой неинтересный, пустой. С трудом, всё же отлежавшись на снегу, дотащился до дома...

Непрекращающийся гул артиллерии, Ужасные проявления голода. Как быть дальше? Встаёт неотступный вопрос — о конце.

Вечером неожиданно появилось электрическое освещение. Воспользовавшись, ночью писал дополнения к работе и пересмотрел отчёт Института здравоохранения за 1939 год. Нужно извлечь данные о возможности выполнения воспроизводства населения за счёт сокращения абортот.

Всю ночь сильная боль, воспаление надкостницы альвеолярного отростка верхней челюсти. Озноб. Отёчность щеки.

10 декабря. Неподходящее, прямо гиблое дело быть больным в этих условиях! Утром прорвался электрический свет. Тепло закутав щеку, вышел во двор. Трамвай стоит. В город при моём ознобе, недомогании не приходится и думать добираться. Любочка из очередей и поликлиники принесла вести, от которых стынет кровь. Разговоры об антропофагии¹.

От Совет[ского] Информбюро по радио радующая и вселяющая надежду весть о разгроме немцев у Тихвина и занятии нами города. Нехудые вести из-под Москвы, из-под Тулы и Калинина.

Итак, вопреки твёрдому решению добираться пешком в город, придётся сидеть дома. Зиночка прямо героиня труда и решимости. Вчера пешком добралась при всех её недугах и хворях до своей службы, а оттуда — на Михайловскую², где и ночевала.

¹ Людоедство.

² После того, как квартира Зинаиды Захаровны на Провиантской ул. (близ зоопарка) была разрушена немецкой бомбой, она часто из-за затруднений с транспортом жила в пустующей квартире сестры.

Целый день — определённо болен, периостит верхней челюсти, озноб, крайнее угнетение. Под вечер приехали из Секретариата и сообщили о предоставлении мне и семье 4-х мест в самолёте для эвакуации. Вылет 12 декабря. Как трудно решиться. Это очень сложно... Ночью на несколько часов был дан электрический свет.

11 декабря. Невзирая на недомогание был в ГИДУВе. Обратном пешком. Совсем изнемог. Осматривал приёмный покой в ГИДУВе, у Андрея Григорьевича. Бесконечно он милый и заботлив обо мне. Единственный (после Саввы Артемьевича Самофала) человек, которого я считаю искренним другом, и его дружбу очень ценю. Путь от ГИДУВа домой занял более трёх с половиной часов.

12 декабря. В течение двух часов (до пота) разгребал от заносов дорожку. Невыносимая боль в области воспалённой надкостницы. Отёчность и опухоль резко увеличились. Когда появилось (хотя и очень слабое) электрическое освещение, написал точные указания к набору книги о старости и разметил все вставки, как дополнения в конце книги.

13 декабря. Целый день дома. Озноб. Отёк левой щеки. Невыносимая боль. Сильные колики и понос. Дурнота. Работал через силу во дворе. Дописал о детской смертности. Разбирал до поздней ночи мои работы и намечал заведомо утопические планы их продолжения и окончания «е. б. ж.»¹ в течение 1942–1945 гг.

14 декабря. Утром — обычная порция дворовых работ. Собака Норд погибает. Парализованы обе пары конечностей. Впечатление — агония. Днём продолжал разбор рукописей, оттисков и всяких материалов. Невыносимая пустота и тоска... Кругом тяжело, отчуждённость².

15 декабря. Сильный мороз (ниже 22 градусов С). Трамваи не ходят. Чувствую себя изнеможённым и слабым. Решимости пуститься пешком в город не хватает. Отёк левой щеки уменьшился. Дело явственно идёт на улучшение, но всё время озноб, разбитость. В нынешних условиях, раз уж обессиливаешь, нужно быть готовым к концу. Дома более чем ужасно: Зиночка тяжело, мучительно страдает от нарывов, температура до 39 градусов. Я не способен ничем облегчить её положение.

Весь день разбирал свои оттиски и материалы, и хотя кажется (и совсем серьёзно об этом думаю), что погибну так же скоро и неприметно, как погиб такой, казалось, полный жизни и сил пёс Норд, но всё же на случай «е. б. ж.» в голове складываются планы тех необходимых для будущего расцвета жизни работ, которые, кроме меня, не составит никто. Если бы удалось разобраться с материалами, я бы хотел, чтобы после того, как меня не станет, они были переданы единственному другу, к которому у меня полное доверие, — Андрею Григорьевичу Подвысоцкому и Татьяне Степановне Соболевой.

При теперешней массе ежедневно умирающих от голода ничего не остаётся, как использовать для временного захоронения траншеи и щели в

¹ Если буду жив.

² Причиной семейного разлада с Любовью Карповной, дочерью и внучкой, несомненно, являлась продолжающаяся многие годы прочная связь З. Г. с его фактически второй семьёй — Екатериной Ильиничной и сыном Ильёй.

скверах, садах, пустырях, с тем чтобы вслед за восстановлением транспорта, ещё до оттаивания или летнего нагревания почвы вывезти трупы после массового изготовления стандартных гробов на загородные кладбища. При перекадывании в лёгкие гробы всю обувь и одежду снимать, пропускать через дезкамеры и передавать для снабжения беженцев...

16 декабря. Как вчера, утром с 7.30 до 10 выполнил нагрузку дворничьих работ. Разгребал снег, носил дрова, готовил растопки. Трамваи стоят, и у меня опять мучительная нерешительность пуститься пешком в город. Смогу ли преодолеть?

17 декабря. Путешествие в город было удачное. Дошёл до станции Ланской, поездов не было, но случайный № 33 привёз по маршруту 38-го и в 13.30, т. е. всего через два с половиной часа, был в институте (ГИДУВ). Мрачная обстановка — всё затемнено, а освещение электрическое выключено. Пусто в канцелярии, на кафедре никого, заперто. Потом увиделся со всеми работниками кафедры. Предстоит эвакуация Института в Иркутск. Андрей Григорьевич бодро деятелен. Не говорит о невзгодах, фактически работает, устраивает Приёмный покой, облегчает для меня положение в условиях голодного существования. Добираться во 2 ЛМИ не хватило сил и решимости. Ушёл к трамваю № 38 в 15.15. До 16.15 сесть не удалось. Пошёл пешком. Нужно пройти 16 остановок трамвая. Пустился пешком, не зная, дойду ли. Начиная со второй половины пути уже было утомительно. Вспотел. Упарился. Путевые впечатления: в полутьме — беременная (на 6 месяце) пешком из Пороховых. Идёт так же замедленно, как и я. Разговорились. У Флюгова пер. — юноша лет 20–22, смертельно усталый, везёт в Политехнический институт на финских санях отца — ещё бодрого, лет 60–65, инженера-профессора. Из района Технологического института вышел в 11 часов утра, до Флюгова везёт (без пищи и питья) уже 7 часов, не знает, довезёт ли, и по какой дороге идти в Политехнический... Выбился из сил. К 8 часам вечера я добрался домой, мокрый от пота, смертельно усталый. Гуманное отношение ко мне Зиночки, но чёрствость и ожесточение со стороны Любви Карповны и пассивно-безразличное, или, пожалуй, даже недружелюбное отношение со стороны Любочки, а ей так много места принадлежит в моей душе, в моих чаяниях ещё со времени, когда она замелькала ранним весенним анемоном-первоцветом для Лидиньки. Я тогда после рождения Любочки выразил в стихотворении Лидиньке зарождавшееся моё отношение к внучке («Ветер листик с лещины сорвал молодой» и т. д.). Интересно было бы восстановить это моё стихотворение, отражавшее мои тогдашние тревоги и страдания за Лидиньку и бессознательный перелом моих возродившихся с первым весенним теплом надежд на её «первоцвет» — мою внучку.

19 декабря. Утром и днём много работал во дворе. Исправил двери в сарае, убрал собаку, дрова и растопки.

20 декабря. Утром — работа во дворе около 1 часа. С 11 до 14 была у меня Соболева, принесла из 2 ЛМИ 440 руб. Я решил в ближайшие дни собрать воедино все мои работы о Петербурге–Петрограде–Ленинграде для нового расширенного и переработанного издания моей книги «Петроград периода войны и революции», под заглавием «Петербург–Петроград–Ленинград за

50 лет (1892–1942). Санитарно-технические и санитарно-демографические очерки»; либо — «Санитарно-технические и санитарно-демографические очерки. Петербург–Петроград–Ленинград за столетия», включающие в себя три революции и две мировых войны. В качестве материалов для этой книги могут служить мои работы: «Петроград периода войны и революции», 1924 (отд. книга), «Благоустройство и население Ленинграда» (изд. 1928 г.), «Перспективы развития Ленинграда во второй пятилетке» (отд. работы), «Врачебно-санитарное дело Ленинграда» (отд. статьи в сборнике), большая статья «Санитарный очерк Ленинграда», статьи о канализации Ленинграда и очередности её строительства, статьи об общей и эпидемической заболеваемости в Ленинграде, «Планировка Ленинграда», статья 1935 г., мои описания экскурсий по Ленинграду.

21 декабря. Весь день дома, дворовые и комнатные работы. В течение второй половины дня и вечера — вплотную был занят «Мемуарами» И. А. Дмитриева. Написал заметку о них для передачи в Рукописный отдел Публичной библиотеки.

22 декабря. Утром — обычный круг работ во дворе и по дому в темноте. Окончательно оформились у меня мысли о первом периоде зарождения форм и содержания деятельности земских врачей. Нужно сделать извлечения из «Мемуаров» Ив[ана] Андр[еевича] Дмитриева. С 11 часов — сборы в пешее путешествие в город, в оба института. Если доберусь до города, нужно непременно взять для работы таблицы и настаивать на проталкивании дела с изданием Госмедиздатом книги об «Удлинении жизни» и о передаче в Публичную библиотеку воспоминаний Ив. Андр. В ГИДУВе переговорить с Андреем Григорьевичем об эвакуации Отдела и снабжении кадров, об издании моей книги.

На путешествие не хватило решимости, остался дома. Автоматически вся программа переносится на следующий день.

23 декабря. Утром, пока темно, работал во дворе и по дому. В 10.30 вышел пешком в город. Пытался разузнать о поездах со станции Ланской. Неизвестно, не то будет поезд, не то нет. Трамвай стоит в пути. Ток появился, но пути занесены и замёрзли. Прошёл от конфетной фабрики по проспекту Маркса пешком до Клинической улицы, оттуда через Литейный мост пешком в ГИДУВ. Всё расстояние: от дома до ГИДУВа составляет 10 км. Назад вышел из ГИДУВа в 16.20, в пути 4 раза сидел на улице по 15 минут, в пути пробыл 3 часа 20 минут. Домой пришёл в 19.40. Первое, что узнал в ГИДУВе — о смерти и похоронах Алекс. Алекс. Ашихмина. Смерть от голода витает кругом, но всё же смерть молодого, выдающегося по организованности, систематичности и подготовке Алекс. Алекс. меня сразила и привела в уныние. От многокилометрового путешествия я смертельно устал. Не думал, что смогу вернуться пешком в тот же день. Но, сообразив трудность ночёвки в холодной и тёмной аудитории, без клозета, без надежды утром что-нибудь съесть, решил идти пешком домой. В обратном пути совсем изнемог. Ночью читал (когда появилось электричество) «Мемуары» Ив[ана] Андр[еевича].

24 декабря. Разбитость после вчерашнего 20-километрового дневного марша (считая в оба конца). Утром с натугой обычная работа: ставни от-

крыл, принёс дрова в кухню и для двух печей и пр. Днём закончил разборку случайных остатков моего личного архива. Жалко уничтожить хотя бы эти жалкие остатки переписки. Просматривая, переживаешь протекшую безвозвратную жизнь. Во второй половине дня заготовил корзину растопок. Весь день, весь вечер и ночь чувство ноющего голода. Ощущение безысходности. Не выжить. Картошка и всё другое на исходе. Последние остатки сухарей. Но это так безнадежно мучительно и деградирующе унижительно — алкать. Заметно стали падать силы. Двигаться трудновато. Ноги слабо держат и худо действуют. Сон потерян. Но голова работает без устали. Планы для работы рождаются, развёртываются, оформляются, мысли занимают и увлекают.

Голод и полная невозможность утолить его ощущается как затягивающаяся на шее петля. Выхода не видно. Кругом — смерти и смерти. Преимущественно мужчин. Несут без гробов, везут на санках, — куда ни пойдёшь. Завтра 25 декабря. Если доживу, будет мне полных 72 года. Просижу дома, идти нет сил, а сообщения никакого. Трамваи замёрзли и замерли. Хотелось бы закончить «Мемуары» Ив. Андр. и 2) написать письма Жене и Марусе, Лидиньке, Лёле, Котику, Круглякову, Екатерине Ильиничне...

25 декабря. В 10 час. пришла Т. Ст. Соболева. Принесла поздравительное послание от сотрудников кафедры с исполнившимися мне 72 годами и весть об увеличении хлебной выдачи на 100 гр. (с 250 по 1-й категории до 350, а для иждивенцев со 125 до 200 гр.). Это известие как объективное подтверждение ослабления или разрыва, либо — прорыва кольца блокады вызвало в доме большую радость. Татьяна Степановна подняла вопрос о разработке темы «Демографические сдвиги в условиях осаждённого города». Я написал в учебную часть записку в обоснование этой темы. Сообщила о возбуждении в Горкоме партии дирекцией вопроса о выдаче мне рыбьего жира и глюкозы. А у меня горький привкус — много внимания и чести, а от активной деятельности — отодвигание; значит — ценят, хорошими словами балуют и жалуют, но в моей работе особой нужды не видят: и без неё, т. е. без моей работы — худа не будет, обойтись можно. Но я хочу условий и возможности работать, действовать, а не бессодержательного и пустого занятия — срезания купонов с нажитого капитала, с признания заслуг. Будет что кушать, и я буду проявлять активную работу и почин, буду преодолевать все трудности для развития, совершенствования, углубления и расширения подготовки настоящих леч[ебно]-сан[итарных] профкадров.

Весь день и вечер прошёл в обстановке улучшающихся бытовых условий: электрический свет и вода — без перерыва весь день. Хорошо протоплены две печи, хлеба съел 350 гр. Во второй половине дня — кофе с замечательным пирогом из отсева из месетки, изготовленным Зиночкой, и мясное — из трупя собаки. Чувство голода заметно ослабело и не мешало обдумывать программы и планы больших будущих работ и внимательно штудировать «Мемуары» Ив[ана] Андр[еевича] Дмитриева. Их не успел закончить и к часу ночи. А кругом атмосфера гиперестезии: слёзы, упреки, укоры. И жалко, и больно, и полное бессилие помочь. Всё даёт обратные результаты. А параллельно всему животное чувство голода. Всегда, день и ночь, после еды — ещё обострённое, ещё мучительнее, чем до еды. Так

остро одно желание, вытесняющее всё красочное, тонкое, сложное сплетение стремлений, чувств, желаний, переживаний высшего порядка, одно алиментарное¹ неукротимое желание — поесть хлеба, целую краюху, целый батон! Всё глохнет, тускнеет, обращается в скудную пустоту по сравнению и под плетью этого «безусловного» голоса организма. Высшая нервная деятельность принижается до уровня её у несчастного нашего пса Норда, так же устремлённого на зов организма к еде, как и я.

26 декабря. Сегодня ночью электричества не было. Сон бежал от меня. Между прочим, пробежал мысленно все этапы моей жизни. Как складывалась моя личность: совокупность приёмов действия и поведения; и переживания, мысли, стремления, их сопровождающие. Сколько полных захватывающего интереса и драматизма положений! Сколько богатых содержанием встреч в жизни с людьми первого ранга — с драгоценными алмазами и самоцветами человеческого мира: Лукьянович, Анна Ник. Деген-Ковалевская, Ник. Александрович Огородников, Иван Васильевич Шулепников, Кокошкин, Пётр Иванович Куркин, Подвысоцкий Влад, Валериан, Савва Артемьевич Самофал и др. Писать систематические воспоминания или заметки — этого я не могу: неисчерпаем материал и, главное, у меня нет желания всё и все положения освещать и фиксировать. Этого я сделать не смогу. Есть слишком много событий, дел и явления, которых касаться или устанавливать и документировать не могу. Но всё же думаю, что следует завести отдельную папку для отрывочных моих некоторых воспоминаний и заметок.

28 декабря. Ни утром, ни днём, ни ночью не было электричества. При моём слабом зрении у письменного стола работать не мог. Обычный круг утренних работ в полной темноте (принёс дрова со двора, заправил печи, устроил место для сбора золы из печей на удобрения). Поражает выносливость и энергия Зиночки по отстаиванию нашей жизни от голодной смерти. При её болезнях она много раз и подолгу стоит в очередях. За 45 руб. купила на рынке 100 гр. хлеба. За такую же сумму с придачей двух пачек табаку — одну небольшую кормовую свёклину, из которой Любовь Карповна сварила сегодня свекольный суп, выменяла свои платя на 1 получку масла, была в ветеринарной лечебнице, купила 100-граммовую шоколадную плитку за 110 руб. с вещевой придачей, стояла на 20-градусном морозе часами в очередях. А в доме — атмосфера напряжённого страха и боязни взрывов слёз и рыданий у Любви Карповны. Она всё отдаёт нам: и свою часть хлеба (из 125 гр.!), и кусочки сахара и пр. Поэтому питание её особенно подорвано, а на почве нервной дистрофии — раздражённость, отсутствие торможения, лёгкая общая возбудимость — слёзы, рыдания, как в период голода 1919–1920 гг. Сегодня — при ослепительно красивой погоде — мороз до 17–20 градусов, иней, ещё свежий чистый снежный покров. Я оставался во дворе не только утром, но и днём: получал пенсию, был на почте, где, однако, открыток не достал; работал в сарае и пр. и, наконец, вечером — просто прикован был красотой зимнего неба с Венерой, Луной и Юпитером. Но такое пребывание на дворе обостряет чувство голода до невыносимости, до полного подавления способности владеть и управлять собою.

¹ Алиментарный — пищевой, обусловленный питанием.

29 декабря. Утром — с 8 до 9 час. выполнял работы дворника. Затем ходил к Круглому пруду узнавать об очередях. Между бараками повсюду у входов вылиты помои и нечистоты. Очевидно, канализация замёрзла. Неуютно. Холодно. Мучает голод до совершенного отчаяния. Днём идти в город нет решимости и сил, но нет моральной силы переносить попреки со стороны Любови Карповны, [так] что всё равно нужно идти в институты и там добиваться улучшения положения с питанием или с эвакуацией, или с чем угодно... Решил завтра пуститься в путь пешком, хотя и чувствую, что сил не хватит проделать марш в 20 километров и при том — бесцельно. Ни днём, ни вечером, ни ночью нет света. Ни писать, ни читать не удаётся. Систематически пересматриваю сохранившиеся в памяти обрывки событий и периодов за всю жизнь. До гимназии — отец, Яша, Вера, Лукьянович, Лукашевич, Мостищи, отец Антоний, отец Семён Слободской..., 1 марта 1881 г. и т. д. Потом останавливаюсь на людях периода гимназии. Война 1877–78 гг., пленные турки. Милый дружественный «Осман-Паша», Чайковский, Закревские, Солодкий, дядя Миша.

Написал открытку Шафрану и большое письмо Лидиньке. Без света — тяжело. Окна защиты досками для предохранения стёкол от осколков и взрывных волн.

30 декабря. Обычные работы в темноте. Затем с 10 до 12 — в очереди у Круглого пруда. Тщетное ожидание. Возвратился с пустым ведром. Гробы, смерти. В очереди и на улицах картины голодных, понурых, раздражённых людей и особенно ослабленных мужчин. Характерно, что пухнут, слабеют, падают и умирают больше мужчины, чем женщины. Результат уравнильного пайка, а мужчины и ростом, и весом больше женщин. Устал, хочется поесть. Радио бездействует. В 15.30 — неожиданная радость, зажглись электрические лампочки. Нужно спешить использовать свет: 1) написать письмо сестре Жене, Лёле, Вишневым; 2) подготовить для переписки страницы из «Мемуаров» И. А. Дмитриева; 3) тщательно пересмотреть текст и написать выводы к моей работе о детской смертности. Увы, тока не стало через четверть часа. Днём обрубил ветки ели для Любочки и Зиночки. Дом погружён в полную тьму, но среди ночи в 2.30 (уже, следовательно, 31 декабря) дан снова. Нужно подвести итоги по тетрадям 1941 года о выполнении и невыполнении, об остающихся на повестке дня работах и задачах по кафедрам.

31 декабря. Утро без света. Сумрачно, тяжело. Обычный круг работ. С 7 часов до 9 утра во дворе и по дому. В итоге — истекающий сегодня год принёс неизмеримые бедствия, ужасы, разочарования. Голодный и холодный мрак, нет желания подводить итоги.

Просмотрел том II — Geiger. Ursprung der menschlichen Sprache und Vernunft, 1872 (Т. I–1868)¹. Представляет интерес. Знал ли И. П. Павлов эти исследования о зависимости разума, рассудка от образования слов, когда он строил свою систему «сигналы сигналов», которые вырабатываются условными рефлексами, вторую сигнальную систему действительности? Ни утром, ни днём, ни вечером нет ни электричества, ни радио. Вода

¹ Гейгер. Происхождение человеческой речи и разума.

у нас, исключительно благодаря моему отоплению, не замёрзла. Новый Год — ёлка (срубленная мною ветка). Поражающая активность Зиночки, всё устроившей после того, как она пешком ходила в город. Сильная артиллерийская канонада. Гул и сотрясение. Ночью в 1 час (уже в 1942 году) появился свет. Что же остающееся в памяти оставил по себе жестокий, кровавый для нашей родины 1941 год, разметающий на тысячи километров моих детей¹, разбивший всю общественную жизнь, рассеявший и унесший друзей, близких, товарищей по работе? Что особенно необходимо исправить, доделать, восстановить в 1942 году?

Приятное лично для меня в первую половину года: 1) Выход под моей редакцией сборника по гигиене, посвящённого К. Н. Шапшеву; 2) Появление в «Советском врачебном журнале» моей статьи о старости; 3) Поездка моя в Выборг; 4) Удачно проведённый весенний цикл по коммунальной гигиене; 5) Мой доклад и лекция «Исторические параллели: Пироговское общ[еств]о и Amer[ican] Publ[ic] Health Assoc[iation]».

1942 г.

1 января. В час ночи появилось электричество. Непрерывный гул артиллерийской канонады и рвущихся снарядов. Это не позволяет хотя бы на минуту забыть, что мы — в осаждённом городе, на фронте. Чувствую себя ослабевшим, изголодавшимся, в состоянии несвойственной мне депрессии, сомневаюсь, доживу ли до будущего года. Как бы то ни было, самое первое, перекрывающее все другие мои желания — чтобы 1942 год был годом полного и бесповоротного разгрома немцев, полного восстановления у нас социалистического строительства в 16 союзных республиках в границах мая 1941 г., а для меня лично — чтобы мне, пока ещё жив, увидеть вышедшей из печати в неурезанном виде мою книгу о старости.

2 января. Когда же и как выйти мне из моего вынужденного сидения дома? Невыносима больше эта оторванность от всего мира: ни радио, ни газет, ни людей, ни света! Так уже двое суток, нет ни света, ни радио. И надежды на скорое улучшение положения иссякают и слабеют. Всё та же артиллерийская стрельба целую ночь.

3 января. В 7.30 утра неожиданно после трёх дней темноты загорелись электрические лампочки. Посветлело на душе. ...Был в очереди за хлебом (часа два) на пр. К. Маркса. Много характерных для голодной осады штрихов. Сплошным потоком люди пешком (в 7 ч. утра) идут по Выборгскому шоссе из города на Удельную и в Озерки. Идут вяло, медленно, ослабевшие от недостатка энергетических источников для организма (от 200 гр. для ижд[ивенцев], до 350 — 1-я категория хлеба, а это всего 600–700 калорий, вместо 2 700–3 000, т. е. $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ того, что нужно). Характерные выра-

---

¹ Лидия Захаровна с младшими сыновьями находилась в Красноярске, куда был эвакуирован электротехнический завод № 327, на котором работал главным инженером её муж — М. А. Спицын; Валентина Захаровна с сыновьями выехали в первые месяцы войны в Пермскую (Молотовскую) область, где начальником лесовозной железной дороги работал её муж Л. А. Быстревский.

жения — не «умерли» от голода, а люди «падают» от голода (аналогично падежу скота). Мрут особенно мужчины, паёк ведь не учитывает их больший вес тела и большую потребность в калориях для поддержания баланса (работа сердца при большем росте и весе!). Мрут дети. Только что умерли двое детей — Алик и его сестра — в соседнем доме. Их нечем было кормить. Милый Алик ещё два дня тому назад заходил к Любочке, а она ему носила кусочек лепёшки из дуранды¹. Смерть реет над нами всеми.

4 января. В 3 ч. дня пришёл Андр[ей] Григ[орьевич]. Он доставил мне радость, как самый близкий, родной человек. Просил его выполнить ряд поручений, передал письмо и новогодний акrostих Екатерине Ильиничне и для Е. А. Свет не дали больше ни днём, ни ночью. Вода остановилась. Радио молчит. Газет нет. Впереди — надвигается ещё более тяжёлая полоса...

5 января. Утром с 7 до 9 часов выполнял тяжёлую работу по разгребанию снега. Водопровод не действует, я много труда употребил, чтобы в траншее ломом пробить лёд к воде. Безуспешно. Что из невыполненного в 1941 году (из тетрадей № 1 и № 2) хотелось бы оставить на очереди для 1942 года, в случае, если останусь в живых, и условия будут сколько-нибудь милостивы? 1. Написать вып. II объяснений к графикам (графики, как путь к познанию и пособие для преподавания социальной гигиены, санитарно-демографической статистики). 2. Добиваться издания моей книги «Удлинение жизни и активная старость» и в течение всего года осваивать всё новые материалы, писать добавления (для второго издания). 3. Добиться напечатания набранной уже статьи «Благоустройство школьных участков». 4. Написать статью «Сельская врачебная сеть и благоустройство сельских лечебниц». Тема очередная: «Динамика причин смерти в преклонных возрастах (80 и 6[олее] лет) в Л[енинграде] после революции и обусловленность изменениями социального состава доживающих до преклонных возрастов». ...За отсутствием света — ни днём, ни вечером писать было невозможно. Только к двум часам немного успел набросать для «Старости» о жизни Толстого. Днём немецкая артиллерия обстреливала Лесной парк. Любочка попала под обстрел, лежала где-то у почты. Зиночка достала 200 гр. очень плохого хлеба за 60 руб. За целый день — никаких выдач по карточкам не было. Давно бы и мы уже покончили с жизнью, если бы не сохранившиеся с осени трупы собак. Можно ли было тогда думать, что они сыграют эту спасительную роль! День прошёл мрачно, беспросветно — без воды, электричества, радио, газет. Ниоткуда никаких вестей. Последние вести в газете от 31 декабря, а сегодня уже окончилось 5 января... При полусвете отбирал оттиски для Т. С.

6 января. Утро — с 6.30, с 7 до 8.30 — надворные работы. Затем в полутьме отбирал оттиски моих работ. В 11 часов (до 13) была Т. С. Соболева. Записка от А. Г. Подвысоцкого о предложении профессора Фридлянда мне лечь в госпиталь. Т. С. сообщила, что я 1-й кандидат в «Дом восстановления сил» — в «Асторию». Ни туда, ни сюда я не хочу. Здесь я всё же до некоторой степени живу, а там буду лишь инвентарём. Т. С. принесла 570 руб. моей

¹ Дуранда — смесь жмыха и шелухи от злаковых, предназначавшаяся до войны для скота.

зарплаты. Её формулировка темы для её докторской диссертации — «Демографические сдвиги в осаждённом городе». Точнее было бы — «Сдвиги демографических показателей в осаждённом городе». Сообщения из 2-го ЛМИ унылые: подвалы залиты, уборных нет, нет света, молчит радио, всё замёрзло. Наша бойкая и бодрая лаборантка Ожигова на грани гибели от голода. Перкаль в явственном маразме. Люди мало проявляют интереса ко всяким вестям. Последние газеты от 1 января.

...Вода замёрзла. Попытки Любви Карповны оттаять — безуспешны. Выдач по карточкам Зиночке не удалось получить никаких. Её впечатления о вымирании преимущественно мужчин на заводах, в очередях дополняют картину маразма осаждённого города. Поведение обречённости и обречённых, покорённых, не волнующихся слухами и надеждами. Особенно презренно и позорно поведение всех коммунальных организаций. В самом деле — почему не организуются бригады для восстановления водопроводов в домах, трамвая, света (блоковые станции); топливо — от вырубки деревьев, заборов, домов; организация захоронений и пр. Если инициативных людей, таких, как Г. Я. Рабинович, отстранять и утратить, то это ускоряет наступление прострации и маразма в городе. Вечером зашёл сосед проф. С. А. Оранский и сообщил, что на улице он слышал от «О. Ж.» (одной женщины), что «О. В.» (один военный) передавал, что он слышал по радио (не по трансляционной сети, которая бездействует) сообщение в нашей сводке о завершении окружения нами Мги... Пока ни света, ни воды, ни трамвая, ни радио.

7 января. Утром в темноте работы по двору. Затем — только начал пилить (о пессимизме старости), как неожиданно пришёл с финскими санками Андр[ей] Григ[орьевич], чтобы везти меня в ГИДУВ, в госпиталь. Беспредельное великодушие. Дирекция уже отвела мне койку, не спросив у меня. Но у меня нет решимости, нет воли. Лицо отекает. Усталости особой не чувствую, но голод — непереносимо мучительный, особенно во время еды и после еды. Приём пищи — это только разжигание голода, т. к. вместо 1 000–1 500 обычных калорий за обедом получается: 100 гр. хлеба — 200 кал., суп — 150 кал., каша, мясо — 150 кал. Всего 500 калорий. Это максимум, т. е. $\frac{1}{4}$ того, что нужно, а в суточном пайке в общем около 1 200 калорий, то есть $\frac{1}{3}$ необходимого, а где достать ещё $\frac{2}{3}$, ведь исхудание дошло до предела? И вот — «люди падают» — ходовое выражение! Умирают теперь масса. На дровнях везут не гробы, а штабеля мертвецов! Город под знаком смерти, смерти мужчин, детей, а теперь уже и женщин. Я, несомненно, каждую минуту на очереди. Так лучше последние дни и часы жить по-привычному, а не в госпитальном плену. Мне бы всего нужно было добавить 200–300 гр. хлеба и сахару 60–100 гр., но ни дирекция Института, ни горком этого для спасения меня, как единицы кадров, по безнадежному бюрократизму сделать не могут, но могут по «блату» поместить без особых показаний на койку в военный госпиталь, чтобы там подкормили. Вот корень всего того маразма, в котором находится городское хозяйство: связанность всех безнадежным бюрократизмом. И потому город и все мы стоим под знаком смерти, как стадо овец, пригнанных на бойню и стоящих перед своей очередью. Больше месяца, как нет полочки сахара, крупы и всего остального, хотя карточки

выданы. Бесконечно тронут активностью и готовностью помочь Андр[ея] Григ[орьевича]. Но пока решил остаться дома ещё на неделю, если доживу. После ухода Подвысоцкого я работал во дворе. Пробрался под дом, где отогревал замёрзшую водопроводную трубу для оттаивания. Безуспешно, хотя работал часа два. После этого голод ещё невыносимее. Вечером — с 8 до 11 — ужасающая артиллерийская стрельба. Темнота, нельзя ни писать, ни читать. Любовь Карповна при свете керосиновой лампы вслух читала Тана — из американских его рассказов. Это очень, очень скрашивает общий мрачный колорит. У ленинградцев просыпается тяга из города в глушь, в деревню; очень характерно в этом отношении сегодняшнее посещение бывшей домработницы Мани. Теперь уже совсем нет надежды ни на восстановление трамвая, ни на электричество, ни на радио. Любочка принесла с работы из Лесотехнической академии «Ленинградскую правду» за 3–4 января.

8 января. Перспективы всё мрачнее. Голодная петля затягивается всё туже. Убрал снег на чердаке. Работал под домом, но безрезультатно. Продолжать попытки восстановления водоснабжения нельзя. Сегодня, чтобы получить воду, Любовь Карповна тратит топливо на таяние снега.

9 января. Работал много днём во дворе (колол дрова), был на чердаке. Весь вечер и ночь — без света. Атмосфера и перспективы — беспросветны. Голод, в особенности после еды, терзает невыносимо... До сознания доходит, что неизбежна гибель, следует ли её отдалять и тем удлинять мучения? Не лучше ли ускорить неизбежный конец?

Ни газет, ни радио. Со стороны населения — полная пассивность, покорная неподвижность, безынициативность. Это бесспорный результат всей системы недоверия, боязни перед проявлением самообслуживания и предусмотрительности, бережливости. Очевидно, к плановому хозяйству должна быть сделана добавка (как в колхозах приусадебное хозяйство) о развитии самостоятельности в некоторых областях организации потребления и личного хозяйства, с полной и абсолютной гарантией для планового социалистического хозяйства (производства и организованного распределения) в основных отраслях. Нужно наряду со стахановским движением, с соцсоревнованием заботиться о культивировании ценных качеств личности — инициативности, почина, упорства и настойчивости в преодолении жизненных помех на пути, отсутствие боязни того, как посмотрит всякого рода начальство; привычки не ждать разрешения и благословения всяческих инстанций, а действовать самому, действовать сразу, быстро, маневрировать и тем мобилизовать все мельчайшие местные возможности и создавать более благоприятный фон для рационального построения и общего плана, и с бюрократизацией населения, с ростом у населения навыков к социальному иждивенчеству. Наряду с государственной организацией снабжения должен быть гарантирован простор для подлинной потребительской кооперации всех видов и разветвлений (огородные кооперативы, молочные кооперативы, общества захоронения, кассы и пр.). Во всяком случае, картина тупой безынициативности, покорности и обречённости вымирающего населения в осаждённом Ленинграде должна заставить руководство задуматься, должна привести к внесению необходимых поправок в систему

жесткой опеки и недоверия. Такие поправки, улучшая качество населения, только облегчат и укрепят основы всей социальной системы.

10 января. ...Мучительно думаю, почему ко мне такое недружелюбное отношение дома... Все призваны к тому, чтобы... исправлять во всём меня. Особенно больно такое отношение со стороны Любочки, на которую у меня всегда хватало самой любовной ласки, жаления, дружбы. С такою радостью будил у неё первые проблески интереса к архитектуре (поездки с нею по Ленинграду), интереса к активному восприятию и освоению природы (её опыт устройства личного уголка в саду), к начинаниям по общественной работе...

11 января. 8–10 утра. Работал во дворе при морозе 25 градусов. Кано-нада непрерывная, но, как будто более отдалённая. Разбросал дорожку к ветлечебнице для подвоза воды. После утреннего приёма пищи голод обостряется, прямо разрывающий душу и помрачающий волю. Съел последние сухарики из аварийного зашитого мешочка.

12 января. Обычные работы с 7 до 9 утра в полной темноте по дому и по двору. Ввиду полного выхода из строя водоснабжения и канализации — новая забота — утром выносить грязную воду и фекалии. Написал письмо заведующему Горздравохранением В. С. Никитскому об угрожающей мне смерти от истощения от голода. Для окончания начатых работ необходимо продлить жизнь питанием: 45 граммов в день рыбьего жира и столько же глюкозы. Во всём Лесном замёрзли колодцы и водозаборы. Ужасные, раздирающие душу сцены. Истерика с Любовью Карповной. Я привёл в порядок заброшенный колодец. Достал 4 ведра воды. Для нас лично — дело благополучно разрешено, но какой паралич коммунального хозяйства! Кано-нада продолжается.

О составленной мною программе докторской диссертации Т. С. Соболевой о демографических сдвигах в осаждённом Ленинграде: Детальный анализ изменений по месяцам за 1941 и 1942 гг. всех имеющихся материалов массового учёта в Ленинграде: 1. Количество населения по отдельным возрастно-половым и социально-профессиональным группам; число прибывших в Л[енингра]д, выбывших из Л[енингра]да. Учёт количества населения по продовольственным карточкам. 2. Количество продовольственных грузов, прибывавших и распределявшихся между населением. Особо выделить потребление организованных групп населения (госпитали, приюты, дет[ские] учреждения). Общественные столовые и общественное питание. 3. Перевозка пассажиров — трамваи, троллейбусы, автобус. Пригород[ные] ж[елезные] д[ороги]. Динамика всех этих явлений в месячном разрезе. 4. Особо детальному разбору подвергнуть ход эвакуации из Л[енингра]да детей и сосредоточение в городе беженцев из пригородов, области и других мест, их оседание по частям города. Внутригородские переселения. 5. Общественные работы, окопы, щели, траншеи, уборка картофеля. 6. Замирание внутригородского транспорта и рост энергетической нагрузки на население от пешеходного сообщения. 7. Динамика жилищных условий: скученность. Жилищные условия разбомблённых домов. Общий энергетический баланс в связи с неотапливаемостью жилищ и пешим хождением. 8. Степень покрытия пищевым снабжением запросов на траты

энергии. 9. Влияние на нервно-псих[ическое] состояние воздушных тревог и бомбардировок. 10. Брачность и разводы (по возрастным разрезам). Рождаемость, зачатия, мертворождения, аборт, детская смертность — по причинам, месяцам жизни и календарным месяцам. 11. Смертность детей. Помесячное изменение по причинам смерти, связь с условиями снабжения и питания (отдельно по полу). 12. Смертность мужчин и женщин в по-возрастных и календарных подразделениях. «Падёж» мужчин, пожилых и старческих групп населения. Причины, связь с калорийным балансом. 13. Сравнения с данными 1918–1921 гг. 14. Особый анализ данных о населении госпиталей. 15. Сопоставления динамики данных по всем пунктам. Выводы из этих сопоставлений о причинной связи. 16. Общие выводы о предстоящей в отношении населения политики для смягчения демографических последствий осады. 17. Данные о заболеваемости населения и о деятельности внебольничной и больничной сети.

Особые разделы: А. О туберкулёзе (заболеваемость и смертность) в связи с изменениями снабжения и изменениями степени ослабленности. «Новые» туберкул[ёзные] заболевания, туберкул. диспансеры. Окопные работы и туберкулёз. Обострения в протекании старых случаев. Летальность и её динамика в разных возрастах и в разных группах. Б. Эпидемические болезни. Заболевание и смертность, Динамика показателей. Летальность. Сыпной и брюшной тифы. Дизентерия. Детские инфекции. В. Нервно-психич[еская] заболеваемость по данным диспансеров, поликлиник (внебольн[ичной] сети). Специальный анализ о душевнобольных психиатрических больниц, о летальности среди них от разных форм. Г. Насильственные смерти. Убийства и самоубийства.

Методологическая часть: Критика основных материалов, анализ степени полноты и надёжности всех данных о населении, о смертности, о заболевании, о туберкулёзе, об эпидемических заболеваниях, причинах смерти по диагнозам при жизни и патолого-анатомических вскрытий. Изменения полноты и надёжности данных по периодам с мая 1941 по разные сроки 1942 г. Обзор всего того: 1) что было сделано для охраны жизни и здоровья населения; 2) что могло бы быть сделано, но было упущено.

Важнейшим источником для определения изменений в численности населения должно быть изучение материалов по ежемесячной выдаче карточек. Это же изучение должно быть проведено и для определения количества питательных веществ.

13 января. ...Т. С. устроила приём меня в «дом отдыха» в «Асторию» через 1–2 дня. Принесла «Ленправду» за 10 января и печальные вести о полной остановке всего из-за недостатка горючего. Тяжёлая, мрачная картина замиранья или уже даже смерти города вследствие осады, морозов, связанности личного (частного) почина.

14 января. Мороз — около –30 градусов. Мучительно хочется есть. Безнадёжно. Обычный круг работ во дворе. Сегодня нужно: 1) Подготовить все вещи для возможного отъезда в дом отдыха (!) в «Асторию». 2) Отобрать книги и работы с собою. 3) Подготовить для Т. С. не переданные ей ещё отгиски. 4) Написать письма. 5) Наносить воду, наготовить дрова. День такой же бесперспективно тяжёлый, как и предыдущие.

15 января. Утром с 8 до 10 часов — дрова, вода, растопки, вынос грязи, уборка. С 10 до 12 окончательно подготовил всё к отъезду из дому в «Асторию», но транспорта нет. Томительное ожидание. Зиночка взяла у почтальонши на 15 мин[ут] «Ленправду» за 11 и 13 января.

Отобрал материал для работы «Исторические параллели: Пироговское общество и American Public Health Association». Всё, что возможно в Пироговском об-ве и общественной медицине — это, чтобы взять с собой в «Асторию», но, кажется, «Астория» только померещилась.

Ярчайшее проявление бюрократической связанности и воспитанной привычки ждать приказа, действовать по указке; в распределителях (лавках) вот уже три дня как получена мука (по 200 гр. на человека, крупа, масло и сыр) стоят на морозе (до -29 градусов) толпы в очередях и день, и ночь; но распоряжения о выдаче у заведующего нет, и умирающие (буквально!) от голода, уходят и опять приходят. Но заведующий не решается выдавать — не прислали предписания! Это результат недоверия к местным работникам, всесторонней опеки из боязни несоответствия людей системе. Нужно, чтобы война покончила с этой боязнью сверху всех низовых проявлений и почина, тогда откроются возможности использовать все местные и временные условия, силы, самодеятельность, почин, оборотливость и организационные и хозяйственные случайные, преходящие и меняющиеся конъюнктуры, — триада диалектического движения по развёртывающейся спирали.

Весь день и вечер — в бесплодном ожидании. Гул орудий. Темно, беспросветно. Неужели завтра то же, что и сегодня? Теперь уже мрут кругом не только мужчины, но и девушки. Женщины рассказывают, что хоронят по ночам, в городских скверах и садах, в траншеях и щелях, складывая умерших в два слоя.

16 января. ...В довершение всех бед — испортилась печь в моей комнате. Топить нельзя. Добавляется к страданию от голода ещё и неприятности от холода, а всё, что доносится извне — надвигающаяся смерть и омертвление.

17 января. Утром весь круг обычных работ. В 3 часа сантранспорт взял меня для доставки в госпиталь-оздоровитель для дистрофиков в «Астории». С большим трудом удалось дожидаться Зиночку (из очереди), за ней ходила Любовь Карповна. Зиночка сопровождала меня. К 6.30 вечера доехали до «Астории». Помещён в палату для троих, вместе с очень отощавшим, уже умирающим. Получил обед. В этот день он был поразительный: на второе — котлета!

Одна общая комната — более тёплая, но всё же — жить можно только как на полюсе. Все в шубах, шапках, валенках. Так и ночью, не раздеваясь. К ночи погасло электричество и света уже больше не было. В совершенной темноте по незнакомым коридорам и лестницам. Ни воды, ни тепла, ни света. Очень много учёных разных рангов. Много профессоров-медиков.

18 января. Утром — темно абсолютно. Холодно. Очень голодно. Первый раз приём пищи утром только в 12 часов (одно яйцо, стакан кофе). Хлебом обвешивают (хлеб — 350 гр., масло — 40, сахар — 50, всё понемногу недовешивают; калорий: $700 + 365 + 405 =$ до 1470). Кроме того, 2 раза по рюмке вина — 30 кал[орий] + суп 100 кал[орий]. Кисель около

70 кал[орий], мясо или яйцо — 150 кал[орий]. Таким образом, весь суточный баланс равен 1830 кал[ориям], т. е. меньше «основной» потребности при полном покое и в тепле, а здесь в холоде круглые сутки при температуре около +2 – +5 градусов и спускаться 3 раза с 5 этажа в абсолютно холодную столовую.

Навестила меня Зиночка, оставшаяся для этого ночевать на Михайловской (где лопнула труба в ванной и затопила квартиру).

Софроницкий¹ играл вечером много — Шопена, Шумана, Скрябина... Сильно и с большим настроением. В особенности голод мучает вечером. Полная и абсолютная неспособность управления госпиталя хоть как-нибудь наладить дело — то гоняют отощавших, обессилевших людей вверх и вниз — на 15 м (следовательно, при среднем весе с тёплой одеждой и валенками 80 кг x 15 м x 2 = 7 200 кг. метр совершенно излишней работы), то не умеют установить порядок получения пайка, неспособны даже наладить хотя бы по одной фитильке на этаж — от лестницы, в качестве маячков и пр. и пр. Очень обострённые страдания от холода, от постоянного пребывания в тяжёлой зимней одежде, от нерегулярности и крайней скудности питания.

В общей комнате — как тараканы в полутьме, но при меньшем холоде, всегда с утра и до 11.30 вечера находятся 15–30 человек. Всего «оздоравливаемых» — 180 человек в двух верхних этажах. В трёх нижних этажах — столовая и квартиры ответственных работников. Много общих разговоров. Проф. П. А. Останков — судебный психиатр. Проф. П. Н. Ласточкин проявляет интерес к моей книге. Проф. Шполянский — акушер-гинеколог. Общій осадок от первых суток — какое счастье было бы оставаться дома, в Лесном. Там — разумная, человеческая жизнь и систематическая, осмысленная, целенаправленная работа. Здесь — какой-то тяжёлый мир бессмысленного безделья, убивания своего и чужого времени среди теней отощавших, пассивных людей. Приятно одно — атмосфера отношений между собою и всего поведения и обихода ввиду высокого интеллектуального уровня «оздоравливаемых» (оздоравливаемых от полного голодания неполным голоданием и охлаждением), вполне культурная, никаких поправок, нервных выходов, ни грубости, ни резкостей, ни своры. В этом отношении ничего лучшего ожидать нельзя.

Вечером в общей комнате у рояля Софроницкий. Рассказчик — известный артист Горин-Горяинов.

19 января. С питанием гораздо хуже, чем в предыдущие дни. Каша на блюде — меньше, чем на один прикорм грудному младенцу. То же и за обедом, и за завтраком, и за ужином. Ни яиц, ни мяса. Днём я взял в библиотеке биографию Радищева. Успел прочесть статью профессора С. И. Игумнова о Пироговских съездах. Вечером вовлечён был в совершенно нелепые споры о смертности и летальности с невежественным в этом вопросе Останковым. Поместили к нам в палату очень интересного человека (52 года) из сормовских мастеровых, партийный директор завода. Хороший, поло-

---

¹ Софроницкий Вл. Вл. (1901–1961) — пианист, заслуж. деятель искусств, профессор консерватории, лауреат Государственной премии.

жильный тип и притом — очень содержательный. Выбился в инженеры. Всем интересуется, инициативен и деятелен. Из-за порчи машины ходил ежедневно 14 км пешком, ослабел. К 19 января проел все талоны в столовой и полный дефицит на 11 дней питания. Интересен также и М. М. Голланд.

20 января. Полная темнота. Первый приём пищи — кофе и одно яйцо — только в 12 час. дня. Мучительный голод и угрызения совести от безделья. Сделал запись от 17–20 января в библиотеке в полутьме; чуть-чуть в щель ставни проникает дневной свет, электрического нет; сегодня ни воды, ни радио. Великолепные помещения, чудесные вестибюли и залы «Астории», высококультурный, ценнейший человеческий материал «оздоравливаемых» и такое удручающее, такое тёмное, беспросветное, полное обречённости и индийской неподвижности, пассивности, погружённости в нирвану, если не небытия, то во всяком случае приближения к небытию, настроение. Атмосфера, лишённая действенного начала, бодрого, боевого участия в жизни, в борьбе, в устранении всего, что «нам жить не даёт, держит рост молодой». А тут всё наоборот — «Ниже тоненькой былинки нужно голову склонить, чтоб на свете сиротинушке как-нибудь свой век прожить».

Стало настолько темно, что писать невозможно, а я наметил на сегодня дописать вставку о таблице детской смертности и причинах ранней детской смертности за 1939–1940 гг.

Вся жизнь под аккомпанемент гула рвущихся снарядов и оружейной стрельбы. Весь день и вечер — под знаком налаживания дела В. С. Никитским. Первый раз сытный обед с 75 гр. курицы и ужин — 1 яйцо, кисель и кипяток. Вместо похищенной половины — 2/3 порции хлеба и масла я получил, вопреки моим возражениям, полную и потому — необычайная сытость, а соответственно и настроение... Только угнетает мысль об оставшихся на «Полоске» домашних и не попавших в эту холодную и тёмную обитель (между прочим, на 160 опекаемых здесь приходится 171 обслуживающих).

Вечером, с 9 до 11 часов — споры мои по городской архитектуре. «Арка Растрелли»... Я же думаю, что создатель арки — Росси¹.

21 января. Утром ни света, ни воды, ни завтрака не было. Только в 11 часов разнесли «сухой паёк» и талоны. Первая еда в 12 час. дня — 1 яйцо, но ничего горячего. Нет даже кипятка. Изголодавшиеся, отощавшие люди мёрзнут от холода. Чтобы съесть яйцо надо спуститься вниз, в столовую, где температура ниже 0 (мороз). Что же это за полная неспособность устроить лучше?!

Весь день и вечер прошли под знаком «волнующих и подымающих» слухов о предстоящем увеличении хлебного пайка для всего населения до 500–400–300 гр. В комнате рядом с комнатой отдыха умер проф. А. А. Владимиров (80 лет). Поразительное во всём отсутствие желания и умения устраивать вполне устранимые неудобства. Люди блуждают в абсолютной темноте, спотыкаются на лестницах, пропускают время приёма пищи из-за отсутствия звонка и пр. и пр. За день успел прочесть из серии ЖЗЛ

¹ Арка, соединяющая два здания Главного штаба, действительно была создана К. И. Росси.

Жижко — «А. Н. Радищев» (род. 1749, ум. 1802, на 53 году). В прошении к Павлу I (1799 г.) он писал: « На 50-м году от рождения я не могу надеяться на долголетие дней моих. Горести и печали умалили силы естественные. Взглянув на меня, всяк сказать может, насколько старость предварила мои лета» (стр. 162).

Очень интересный и своеобразный человек проф. П. А. Останков. Его рассказы о Бехтереве, его воспоминания, его времяпрепровождение (игра в карты, но в то же время убеждённые нападки против курения, нападки на непонятный для него термин «летальность»).

22 января. Обычное тяжёлое положение утром. Полное голодание — до 12 часов, отсутствие горячей воды на ужин, как и на завтрак. Знакомство моё с Я. Я. — доцентом гигиены Педиатрического института. Полное разочарование во всяких надеждах на улучшение питания... Вечером очень много играл с увлечением (Шуман, Шопен, Шуберт) Софроницкий.

Мой визит к В. С. Никитскому. Держался как исключительно милый, обходительный человек. Много радости дало мне свидание у него с Е. Э. Беном.

23 января. Днём — обход учреждения В. С. Никитским. Телефон во всём здании не работает, но как хочется услышать голос кого-либо из близких. Что с Иликом, с Е[катериной] И[льиничной], что на «Полоске»? Как они обходятся с водой и дровами? Скорее бы воскресенье и свидание с Зиной.

24 января. Добавка хлеба (50 гр.) до 400. Прорыв немецкого фронта и взятие обратно Холма и Торопца. Разговоры мои (воспоминания) о 1-й Гос. думе. Нина Александровна Никитская и её исключительное, обаяющее радушие.

26 января. Тяжёлое состояние. В постели, как в берлоге. Звон и шум в ушах. Трогательное, обаяющее внимание со стороны Б. Б. Капранского, Хилова, Шполянского и др. Достали сульфидин. Дружеский уход. Узнала о моей болезни Н. А. Никитская. Десять раз приносила чай, кофе, сухари и пр. С её лёгкой руки значительно большая забота обо мне вспомогательного персонала, появились врачи. Одним словом, всё по благу. Температура 38, вечером нелепое моё поведение.

27 января. Температура нормальная, явления колита не беспокоят. Но после сульфидина — отрыжка. Утром неожиданно пришёл Андрей Григорьевич Подвысоцкий. Тревожные вести о болезни Татьяны Степановны. В госпитале ГИДУВа — идеальные условия по сравнению со здешними.

28 января. Никто меня не навестил. Целый день писал записку заведующему Горздравотделом. После обеда — у Нины Александровны дописывал письма. Вечером передал записку Никитскому. Как всегда, он много обещает. Сказал, что будет переписана. Обещал дать машину свезти меня в Лесное.

30 января. Благодаря совершенно исключительной заботливости и любезности Н. А. Никитской — с нею (до Педиатрического института) и «Лерой» — проехал в Лесное. Глубокие заносы. Дома — неподдающийся никакому изображению ужас. Болезнь Зиночки — тяжело больна. Глубоко взволнована. Как бесконечно они мне дороги и как бессилён я помочь!

Любочка искренне страдает. Слова — бесполезны, не нужны. Тяжесть положения, страдания — неизмеримы. Давать советы, просить, убеждать — совершенно бесполезно. Всё равно будут думать и действовать по-своему. Вернулся в госпиталь № 108 («Астория»). Здесь мне уже непереносимо тяжело среди безделья, курения, бессознательной симуляции, обломовщины, зоологической обнажённости инстинкта к еде, перевешивания и борьбы за 5 (!!) граммов хлеба. Полное отсутствие света и днём, и ночью. Ходьба ошупью. Холод, голод, особенно обострённый после приёма пищи (блюдец кашицы!)...

...Сменили чуть ли не весь персонал, а сущность в том, что и их нужно кормить, иначе — они сами кормятся.

31 января. Волнения о продкарточке. Изумительная любезность, заботливость Н. А. Никитской. Чем и как мне удастся отплатить? Интересные черты директоров завода — Свешникова, Голланда. Чудесный, жизненный, активный, культурный, обязательный человек профессор Хиров.

1 февраля. Огромную и незабываемую услугу оказал мне Борис Борисович Копрянский, доставив карточки из 2-го ЛМИ. Об С. И. Перкале никаких вестей. Это очень меня тревожит и мучает. Из дому прислали письма Зиночка и Любовь Карповна. Письмо Любви Карповны глубоко меня растрогало. Как хотелось бы сделать всё, чтобы облегчить её положение, чтобы она увидела всю искренность моей привязанности к ней и к ним. Какой ценный, активный человек Зиночка, и сколько страданий выпадает на её долю за её неукротимую волю и желание поставить всё по-своему. Получил вечером обратно карточки за январь. Как переслать их в Лесное? О, как мне хочется прочь отсюда, из темноты, из дивенчества, безделья, вынужденного пустого времяпровождения.

3 февраля. На душе — пустота зияющая, серая. Пришибленность.

4 февраля. Утром надумал написать дополнительную записку для зав[едующего] Горздравом: 1) о пуске на трамвайной сети поездов с паровозами для перевозки продуктов и пешеходов. 2) О раздаточных пунктах в домохозяйствах 3) О рыбной ловле в Неве, в озёрах и прудах. 4) О подготовке бригад для выкопки в апреле мёрзлой картошки.

У меня является мысль о лекциях по специальностям в общей комнате перед обедом и в темноте.

В 9 часов — ужин (!) — блюдце размазни и ничего больше. Вой и рыканье диких, изголовавшихся, наполовину пришибленных зверей. Выписывают без предупреждения. Новые — преимущественно молодые артисты. Вечером — принят мой проспект лекционных бесед. На завтра, после обеда — об активной старости. Не знаю, нужно ли и для чего?

Более часа играл Вл. Вл. Софроницкий (очень интеллигентный человек) — Листа — Картина Рафаэля «Обручение», опять — бравурный хорал Баха и пр.

Волнения и страсти в связи с голодным режимом и полным распадом последних намёков на какую-нибудь организацию хозяйства и обслуживания. Безнадёжная и бесповоротная неспособность, потому что все сёстры и «санитарки» — из музыканток и артисток — для пайка. Темно, холодно, без воды, очень мучительно от голода. С каждым днём всё хуже и безна-

дѣжнее. Обстрел по Фонтанке и по каналу Грибоедова. Письмо через Леру из дома.

5 февраля. Оторван от внешнего мира. В 11 час. слушал радио (внизу). Только в 12.30 дали стакан кофе. Если бы не Н[ина] А[лександровна], совсем бы и безнадежно отошал. На дворе сильный мороз, а в палате — теплее. Начал писать новую записку заведующему Горздравотделом. Обед — в шестом часу: пустые щи и немножко кашицы. Вечером до ужина — моя 2-часовая лекция «Перспективы удлинения жизни и советский гуманизм (элементы статистического измерения длительности жизни)». В темноте, но слушали внимательно.

6 февраля. Утром закончил читать чудесную статью К. И. Шидловского «Деятельность комиссий и правлений Пироговского об-ва».

...Е[катерина] И[льинична] принесла письмо от нашего Илика, отправленное с пути в Томск... В 2 часа был у Н[ины] А[лександровны], калорийный баланс только благодаря ей. Затем были доктора. Установлен срок моей выписки из госпиталя на 11 февраля, т. е. в среду на будущей неделе. Не хочется идти в общую комнату, где всё новая публика; оставшись в холодной палате, переживаю волнующие впечатления утреннего посещения Ек. Ил.

Атмосфера вокруг стала ещё мрачнее, ещё беспросветнее: ушли (выписаны) проф. К. Л. Хиллов (интересный, жизненный, с перспективой будущего человек) и проф. Г. М. Шполянский — человек устойчивый, жизненно-бодрый и активно благожелательный.

Перед обедом дописал мою вторую записку в Президиум Ленсовета и зав[едующему] Горздравотделом. После обеда с 7.30 до 8.30 — моя вторая лекция об активной старости выслушана была как-будто с вниманием и интересом.

Безнадежный паралич всего хозяйства в госпитале. Питание — одно сплошное издевательство. Обед — в точности в 5.30 — неполная тарелка щей (вода и следы капусты); после более чем часового сиденья в холодном, тёмном вестибюле — блюдец жидкой кашицы — в 6.40, и ещё через час, в 7.30 — стакан чаю (без сахара). Вечером, с 10.30 до 11.15 — Софроницкий играл Рахманинова, Шумана и пр. Разнёсся слух о прибавке завтра в городе по 100 гр. хлеба (500 — рабочим, 400 — служащим, 350 — иждивенцам). А вообще настроение безрадостное, как у смертников в осаждённом городе.

7 февраля. Пришла ко мне Зиночка. Много волнений. Радость свидания перекрывается тяжкими вестями с «Полоски».

8 февраля. С 1 часа дня у меня была Зиночка. Вновь и вновь развёртываются картины массовых смертей в городе, леденящие, угнетающие сознание. В 3 часа Зиночка ушла, чтобы уехать вместе с Ниной Александровной. Вечером, после ужина, с 8 до 9.30 третья лекция, которую прослушали с большим вниманием.

9 февраля. Атмосфера безнадежности и леденящего ужаса. Андрей Григорьевич — милый, родной, великодушный — принёс переписанную работу и хлеб от Ек[атерины] Ил[ьиничны], принёс настойчивые планы перехода в госпиталь ГИДУВа и эвакуации куда-нибудь в глушь, для работы. Он полон жизни и хочет жизнь сохранить, а здесь — смерть.

10 февраля. С раннего утра (с 4-х час.) электрический свет. Занялся сверской переписанной моей работы о материнской и детской смертности.

11 февраля. Первый раз вышел из «Астории». Разыскал Сберкасса. Покупки в магазине канцелярских принадлежностей. Морская ул. и Невский завалены кучами снега и глыбами из амбразур окон. Заметённые снегом троллейбусы. Труп (в морской форме) у подъезда, недалеко от «Астории». Равнодушные прохожие говорят, что этот труп лежит уже не первый день.

Пришла Зиночка. Изменившееся настроение. Принесла хлеб. Я съел почти фунт и на себе испытал всю опасность удовлетворения голода до насыщения (тошнота, тяжесть).

12–13 февраля. Тяжёлая болезнь. Смертельная слабость. Усталость от беспрестанных посещений врачей, вызванных внезапным приходом ко мне В. С. Никитского.

14 февраля. Зиночка устроила все дела с получением для меня пайка и денег во 2-м ЛМИ. Тревожные сведения о Перкале. Продолжается моя болезнь и слабость.

15 февраля. Мне несколько лучше. Продолжается тошнота и дурнота. Картина полной дезорганизации в госпитале. Опять поток врачей, сестёр — всё без толку, бесцельно, бесполезно. Невмоготу больше вся эта бестолковщина. О, если бы добраться до дому и почувствовать себя человеком, а не завалью! Вчера и третьего дня весь я был полон ощущения гибели. Сегодня как будто брезжит надежда. Но смертельная слабость от истощения, поноса и рвоты. Полных 4 дня болезни, тяжёлой и изнуряющей, в организме, доведённом до края истощения. Целый день обстрел. Снаряды рвутся вблизи. Завтра хотелось бы написать письмо.

16 февраля. Несколько лучше. Смертельная слабость. Через силу попытался подняться. Прошёл в общую комнату — на солнышко. Читал С. Симона, Вольского. Был проф. Н. Ил. Блинов. Поел: утром кипятком с сухарями и маслом. Сам соорудил. Затем Екатерина Ильинична. Письмо от Илика со 112-километрового марша зимою в Череповец.

17 февраля. Ровно месяц, как я в этом бессмысленном состоянии... «Чи я живу, чи доживаю, чи так на свити волочусь». Размагничиваются все лучшие навыки, культивируются самые худшие, самые низменные иждивенческие типы поведения. Комнатный паразитизм.

Сегодня день утомительных посещений — был К. О. Поляков, пришёл (с вредной и ненужной для меня «старкой») А. Г. Подвысоцкий вместе с П. Г. Коваленко, потом Н. А. Никитская. Моя тревога, ввиду отсутствия вестей от Зиночки, всё возрастала. Наконец, только в 2 часа пришла Зиночка (пробыла до 6 часов). Много трудноразрешимых предположений, а я сильно ослабел. Первый раз поел досыта настоящий бульон.

18 февраля. Пришла Зиночка. Ужасно мучительно думать, что ей приходится столько ходить и опять отправляться в трудный путь в Лесное. После обеда, через полтора-два часа — сильное напряжение и отчаянная боль во всём животе. Была старшая сестра по питанию. Нужно узнать, как её зовут и как фамилия. Обещает содействовать получению машины до Лесного. Через Зиночку обещает на завтра машину и Н. А. Никитская. Над всем — беспросветная, ужасная пустота.

19 февраля. ...Ощущение возвращающегося здоровья, но тем более тревожно заглядывание в будущее. Удивляет меня мрачно-безнадёжное отношение к предстоящему нам в 1942 году будущему у всех почти «иждивенцев» асторийского госпиталя.

20 февраля. Утром написал письмо Илику. С Н[иной] Ал[ександровной] на машине доехал до Невского в Сберкасса. Напрасно прождал в очереди два часа. Кассу опять перевели. Вернулся пешком в «Асторию». Слабоват. Картина смерти и разрушения города.

Окончательное решение о возвращении из госпиталя домой 21-го февраля в 4–5 часов на машине Никитского. — Обещание Н. А. Весь день и вечер — мучительное состояние тревоги, беспокойства, безысходности, а за общим столом — за обедом, ужином — отвратительные сцены зоологического стада во время кормления. Трудно допустить, что это не шакалы, а люди, упавшие ниже уровня звериного.

21 февраля. ...В 3.30 Нина Александровна позвала к поданному автомобилю. Выехал после обеда и в 5 часов — на «Полоске». Забор к Бедунковичам от улицы, вдоль спортплощадки — унесён. Дорожки засыпаны снегом. Мертво. За домом, против окна кухни, — намёрзшая куча выливаемых нечистот. С трудом достучался. Кока¹ очень слаба. Мало или почти совсем не ест. Явления атонии кишечника... Зиночка с трудом встаёт. Поел оставленные мне кусочки конской печёнки. Здоровье моё вполне удовлетворительно.

22 февраля. На мягкой чистой постели в Зиновкиной комнате проспал до 4.30 утра. В 8 часов утра вышел во двор, принёс дров. Не хочу ни о чём загадывать вперёд, жить только минутой, переживая процесс жизни. И всё же — до чего тяжело быть объектом властного проявления деспотического характера Зиновки, и это при признании всех её заслуг, всего её самопожертвования для меня и для Коки. Какая-то новая, оформившаяся уже черта в её отношениях: «Вы — старики, а мы с Любочкой — прямая вам противоположность». Особого рода фракционность, исключая возможность дружеского простого обсуждения по существу. Дело зашло в абсолютный тупик. После обеда часа два был на дворе, раскладывал снег. Побаливает живот.

25 февраля. Желудок и кишечник направились. При обмывании горячей водой тела поражает крайняя степень истощения: руки, как плети; мышцы атрофированы на ногах, как верёвки, под кожей сеть вен. Резко изменённая форма живота: низ — горой, верх у подреберья загнут к позвоночнику. Отвратительный вид. Кожа сухая.

Утром с 8 до 9 час. — во дворе, разгребал снег, возился с дровами...

26 февраля. ...В 2 часа пришёл Подвысоцкий. Я безмерно встревожен вестью о болезни Екатер[ины] Ильин[ичны], написал письмо. Планы Андрея Гр[игорьевича] — приведение в образцовое состояние госпиталя ГИДУВа и о созыве ФЭБом госпитальной конференции. Настаивает на моей скорейшей госпитализации в ГИДУВ. Моё непреодолимое внутренен-

¹ Так называли Любовь Карповну внуки. Захария Григорьевича в семье называли Дидей.

нее отвращение к госпитализации. Стараюсь оттянуть до 5 марта. Планы А[ндрея] Г[ригорьевича]. о моём консультантстве в ФЭБ.

В 4 часа я почувствовал общую слабость, упадок сил. Во время обеда мне стало дурно. Вечером — повторная рвота горьковато-сладковатой водой. Понос и колики. Всю ночь понос, состояние полубредовое. Дистрофия.

27 февраля. Утром — болит живот нестерпимо. Решил переселиться. Убрал комнату и вышел во двор — вынес ведро, колос дрова. Как будто стало чуть легче. Выпил две чашки горячего чая с пшённой кашей (вместо хлеба).

1 марта. Тупик. Безволие. Нет сил принять решение о временном перемещении в ГИДУВ. Всё время возвращаюсь к мысли о необходимости настойчиво советовать Зиночке взять на помощь Всеву Шнитникова¹. Но следует учесть, какова будет атмосфера со стороны Любви Карповны точно, установить лимиты «поручений». Лучше всего ему устроиться для занятий в Политехническом или на «Светлане».

Вечером (до 12 час. ночи) артиллерийский обстрел как будто уменьшился, а днём по временам он доходил до ураганного. Полная изоляция от всего внешнего мира, серая пустота, а на дне, под тиной мёртвого болота — какое-то непреодолимое, стихийное ожидание. Сегодня, как вчера и как много времени уже, никаких проблесков, которые бы освещали возможности реализации ожиданий; всё безвыходно, безнадежно мрачно, а стихийная сила подсознательного ожидания превозмогает.

3 марта. Окружающая атмосфера и настроение — предельно гнусные. Продолжал составление графиков, окончательно выяснилась необходимость написать заключительные выводы к работе о детской смертности.

14 марта. Пришла Т. С. Соболева. Жутко смотреть на её измождённое, отошавшее, состарившееся лицо. Точно не месяц, а десятки лет её не видел. Несвойственная ей пришибленность и замедленность. Часа три был занят с нею. Её интересует главным образом эвакуация кафедры... Решили просить эвакуировать нашу кафедру во вторую очередь. Смерть (!) Самуила Исаевича и, может быть, также Ожиговой. Половина состава всей кафедры. Случайно уцелела Татьяна Степановна, и ещё более случайно (после

---

¹ Всеволод (Всевошка) (1925–1943) — сын Арсения Владимировича Шнитникова от первого брака. В начале блокады он жил с матерью, но уже к началу 1942 все родственники Всевы — мать (врач), бабушка, тётки — умерли от голода, и он остался один. Вскоре, однако, его вывезли в Волхов, а затем он переехал в Пермскую область, где находилась с семьёй Валентина Захаровна. В феврале 1943 его из 10 класса призвали в армию, направили в авиацию и после 2–3-х месяцев учёбы он сразу попал на фронт, где разворачивалась Курская битва. Во время одного из воздушных боёв самолёт Всевы был сбит над Орлом. По рассказам очевидцев, лётчику удалось посадить самолёт, и Всева до последней минуты стрелял по немцам из пулемёта. В конце концов они вытащили его, раненого, из кабины. После долгого допроса и пыток он скончался. Местные жители похоронили его и долго берегли его могилу, хотя не знали ни имени героя, ни части, где он служил. Только после войны Арсений Владимирович нашёл место гибели сына в селе Кутафино Орловской области, и на могиле Всевы соорудили памятник из обломков его самолёта. В местной школе была пионерская дружина имени Всеволода Шнитникова, существует школьный музей.

поноса от истощения) я. Нужно, однако, думать о сбережении кафедры и всего её содержания для будущего развития и расцвета в восстановленном нашем Ленинграде.

15 марта. Весь день в обычном темпе. Днём — ветеринарный врач Иванов. Головы не вешает, поддерживает свою ветлечебницу на необходимом уровне. Восстановил канализацию, оттаял водопровод, добыл сена, каменный уголь. При настойчивости и деловитости — всё удаётся!

16 марта. Только бы не приехал за мной Андрей Григорьевич, в стационар не хочется, как в тюрьму. Но выхода нет — все продовольственные ресурсы на исходе, а при отсутствии масла, сахара, круп, мяса — опять впаду в голодный маразм.

18 марта. Теперь уже мне не вмоготу, и я хочу вырваться в ГИДУВ, к Екатерине Ильиничне. Но как добраться и остаётся ли в силе предложение ГИДУВа и Андрея Григ. о госпитализации. Всё расстояние пешком — немыслимо!

Утром выполнил весь круг моих комнатных работ. Терзаюсь бесплодно страданиями Зиночки от флегмонозного воспаления клетчатки, но помочь ничем не могу... Конфликты из-за моих попыток вынести её грязное ведро или принести воду из колодца (это узурпировано Зиночкой захватнически)... Никаких продовольственных ресурсов в доме уже нет. Опять и опять мысли о дистрофической гибели, надвигающейся всё неотступнее и неизбежнее.

Первая половина дня — под знаком тщетного ожидания Андр. Григ. и сильнейшего нажима Любви Карповны, чтобы опять госпитализировался. Страдания Зиночки от флегмоны надрывают душу; как самое унижительное оскорбление и обиду переживаю опеку и лишение меня права на «самоопределение» в моих действиях (отняты у меня лопаты, спрятано от меня ведро для зачерпывания воды из колодца). Из каких бы мотивов это ни делалось — фактически это проявление власти надо мною, которое переживается мною как мучительное оскорбление. Попытка договориться с Зиночкой о возвращении ведра безрезультатна. Непроницаемая стена двух разных психологий, двух разных отношений к людям. Показательная в этом отношении история с изголодавшимся мальчиком, пойманном у нас на чердаке — хотел похитить кусок собачатины. Спасающее нас от голодной смерти собачье мясо приносит нам заведующий ветлечебницей. Беспросветно.

19 марта. ...Тоска предсмертная и беспросветная. Безволие и неопределённость.

20 марта. Неужели же бросать всё на произвол судьбы — все мои работы за 40–50 лет, все материалы, записи, ненапечатанные работы? Никаких сообщений с городом... Недостойное, унижительное положение опекаемого вытекает из того, что сам не добываю ничего — ни по карточкам, ни вне карточек. Буквально положение тургеневского Короля Лира из Курской губернии. Для меня «добывают», значит, меня кормят, а я — из милости опекаемый и, как все опекаемые, — ничего не стоящий человек.

21 марта. Покинутый, забытый, ненужный, лишний потребитель, да ещё к тому же непрерывно алчущий, как изголодавшийся пёс, — таково моё положение на «Полоске». Грядущее или смутно, или темно. Утром —

во дворе обычный круг работ. Затем — целый день занимался статистическими расчётами коэффициента повозрастной смертности и перепиской таблиц, а также допиской вставок в злосчастную «старость».

23 марта. Началась весенняя оттепель. Зиночка пешком была во 2-м ЛМИ и в ГИДУВе для скорейшего заточения меня туда. Принесла ужасные вести о Татьяне Степановне, она почти умирает. Перкаль погиб, Андрей Григ. уехал и с моего горизонта, во всяком случае, исчез. Татьяна Степановна выбывает из строя. Не остаётся ни одного сотрудника, с которыми я был бы связан взаимным доверием, одинаковым пониманием. Всё содержание моей жизни подсекается, вырубается, остаюсь пока я, как «голый пенёк среди равнины». Бывает, что и от пня пойдут побеги, но чтобы из побегов вышли дельные деревья — нужно ведь время, тепло, свет, питающая почва вокруг, защита от бурь, ураганов, ветров, пригибающих к земле и ломающих побеги, а защитной полосы нет.

26 марта. Писал текст к таблице доживания... Неизбежность подчиняться и направляться для госпитализации в ГИДУВ совершенно пришибла, угнетает и разбивает меня. Без руля и ветрил...

29 марта. Нахожусь в госпитале ГИДУВа. С 5 часов утра артиллерийский обстрел района госпиталя. Приказано укрыться в подвале. Но мы остались в палате.

30 марта. Замечаю резкое снижение у меня способности к преодолению затруднений, к осуществлению принятых решений, к подвижности и инициативности. Всё больше накапливается наблюдений, говорящих о растлевающем влиянии безделья при стационарном пребывании, о роли и значении трудотерапии и организованного трудового режима. ...В течение всего дня и особенно после обеда — гложущее, мучительное чувство голода. В 3 часа пришла Зиночка. Принесла мне хлеб, мясо (собачье), сахар, курагу — всё, что получено по карточкам. Очень меня огорчила этим, так как сами они имеют пищи ещё меньше, чем я здесь.

4 апреля. В госпитале полные непорядки с питанием. Как и вчера, утром — совсем нет чая. Хлеба вместо 600 гр. дали опять только 500 гр. На заявление ответ — просите у комиссара. Ясно, что при некультурной грубости его, к нему просить не пойду. Как и вчера, опять целый день мучительное чувство голода. Утром вместо каши дали тоненькие пластинки сыру, без чая, без кипятка. Вкусно, но чертовски голодно.

5 апреля. Утром мороз — минус 11 градусов. Вечером и ночью длительная воздушная тревога. Сильнейшее чувство голода. Непреодолимая стена бюрократической успокоенности, инерции, всё остаётся без всяких изменений, без самонаименьших улучшений, вполне доступных.

18 апреля. Завтра утром мой доклад в заседании Учёного совета ГИДУВа. Здесь, в госпитале, мне невыносимо тяжело оставаться. Будущее — беспрочно мрачно, такого же землисто-серого цвета, как лица женщин, с клюками бредущих по улице, едва передвигаемая нога, со связками сосновых веток (витамин С!) в руке или подмышкой, среди залитых сегодня апрельским солнцем куч грязных, подтаявших осколков льда. Просыпается подсознательный зов к земле — копать, сажать, выращивать, устраивать, налаживать! — А как же с едой? На одном пайке не прокормишься и, пожалуй, ног не потянешь.

Но что сулит ближайшее будущее? Неужели опять воздушные тревоги, обстрелы, незнание следующего момента жизни — будет ли он?

19 апреля. Утром готовился к докладу. С 11 до 14 часов заседание Учёного совета. Я употребил на доклад полтора–два часа. Говорил медленнее и тише, чем мне было свойственно раньше. Но мысль работала без помех и затруднений. Были довольно оживлённые прения. Я отвечал мягко, по всем пунктам. Доклад имел достаточный успех. Много хвалебных тирад. Выбрана большая комиссия.

20 апреля. В городе — ул. Кирочная, Потёмкинская, Чайковского, пр. Чернышевского, ул. Восстания — бродят с палками, мешками и утварью отёкшие, отошавшие люди. Немало детей греются на солнышке у домов. Женщина, умирающая на улице. Рассказы о матерях, доводивших до смерти младших детей, отнимая у них пищу...

1 мая. Утром в 6 часов по радио первомайский приказ И. В. Сталина. Как всегда — оригинален, доходчив, мобилизует, укрепляет

Днём пришёл врач отделения Спиваков и быстро устроил мне выписку из госпиталя. Я написал и подал проф. Фридлянду записку о желательности скорейшего созыва конференции по благоустройству и подсобному хозяйству при госпиталях и больницах. Обратно домой — на «Полоску». После обеда и ужина отправился с чемоданчиком пешком через Кирочную, Литейный, далее через почти разведённый мост, сначала до Боткинской ул., потом до Ломанского пер., потом до Батениной ул. Здесь вследствие какой-то аварии стояли все трамваи. Часа два отдыхал в стоявшем вагоне. Наслушался бесчисленного количества душ леденящих рассказов о смерти от голода отцов, матерей, детей, о воровстве продуктов и карточек, о выбрасывании в ближайшие дворы тел отца и матери, о голоде, и опять о голоде, об эвакуации и наживании вещей... Дотащился на «Полоску» только в одиннадцатом часу. Одна нога отказывалась действовать. Болят плечи. Весь в поту. Женщины трёх поколений выглядят лучше, чем я опасался. Хуже других Зиночка. Сильно выросла за месяц Любочка. С большим аппетитом и до полного насыщения поел первомайские выдачи.

4 мая. Впервые совершенно ясно дошло до моего сознания, что острое враждебное отношение ко мне и ко всем людям у Любови Карповны — непроизвольно, лежит вне её воли и на него нельзя реагировать, а нужно — не замечать.

11 мая. Проявляю ровное, спокойное, благожелательное отношение к Любови Карповне, но сам являюсь предметом непрерывных выпадов, попреков невесть за что, с её стороны. Какое-то ничем не вызванное, немотивированное озлобление против меня, по-видимому, болезненное¹.

16 мая. Всю ночь и раннее утро непрерывная канонада. Дрожат окна. Слышны залпы с нашей стороны и разрывы снарядов. Не оставляют меня в покое вчерашние разговоры об антропофагии, как о бытовом явлении. Едят детей, матери боятся выпускать их одних на улицу. Воздушная тревога задержала отъезд в Институт...

---

¹ Критическое отношение к З. Г. со стороны близких, о чём он не раз упоминает, было вызвано его отношениями с Екатериной Ильиничной.

17 мая. С 5 час. утра — целый день с перерывами на приёмы пищи занят был уборкой сада и двора. Убрал веранду. Дотащил и приставил лестницу ко входу на веранду. Подсыпал и покрыл песком дорогу за домом и вокруг колодца. И за всю работу по уборке, подметанию и пр. — непрерывные упрёки и недовольство.

В 12 часов ночи до 1.30 — воздушная тревога с невероятно интенсивной работой зенитной защиты.

24 мая. Рассказы об антропофагии. Для измерения ужасов нет никаких масштабов, так же как нет никаких масштабов для степени озверения немецких бандитов гитлеровской своры. Как непрочна культурная оболочка людей! Самые жестокие, кровожадные звери — тигры и шакалы — кроткие овцы по сравнению с массовым «человеком» из фашистских оккупантов.

5 июня. Целый день на «Полоске» один. Изготовил себе обед из ревеня и берёзового сока. Ходил (с М. А. Оранской) на ст. Удельная, но и там рассады отдельным лицам не продают. По пути впервые посмотрел (снаружи) новую баню, школу, ясли и детсад. Капитальные, каменные, солидные, даже богатые здания. Какое бедствие и горе, что гитлеровская бандитская война прервала наше культурное строительство. Среди мелких деревянных домиков и дач на Удельной — каменные крупные постройки бани, детского очага, школы производят очень большое впечатление.

7 июня. Получены письма от Лёли, Котика, Лидиньки. Трудно удержаться от слёз и волнения. Как искренне болеет за нас непрестанно Лёля, и как деятельно хочется ей помочь нам.

8 июня. С 6 утра — вскопал на поле орош[ения] две грядки. В 1 час дня ходил в совхоз по Ланскому шоссе (у Нов[ой] Деревни) за рассадой (получить по накладной 50 (!), только пятьдесят штук рассады капусты. Проходил более трёх часов, был в двух совхозах, предъявляя договора, накладные, удостоверения, справки — всё впустую: без директора отпустить рассаду не решаются, а директор ушёл на оздоровительное питание. Картина безнадежного омертвления дела, опутывания его паутиной бюрократизма. Вот во что обращают тупые исполнители живую мысль об организации помощи огородничеству рабочих и служащих, — это мёртвая петля из бухгалтеров, контролёров, директоров, контор, управлений и пр., затягиваемая наглухо на ростках дела.

22 июня. С 9 июня по сегодняшний день — от 10 до 12 часов в день копал грядки, полон, засаживал, убирал сад и огород. Делал тщетные попытки достать рассаду путями, доступными в обычном порядке советским гражданам. Напрасно. Рассады заготовлено — миллионы, но получить нельзя. По «блату» получил через Як[ова] Захаровича Матусевича по 100 штук капусты и брюквы. Посадил на полях орошения. Кроме того, 200 штук [достал] через дачников. Опять зря ходил в Удельную (достал только 65 штук брюквы). Приходится рассаживать прорываемую свёклу и пр.

23–30 июня. 23, во вторник, и 26, в пятницу, — был в инфекционной больнице им. Карла Либкнехта. Вид с Выборгской стороны на Смольный, на берег Невы, на прибрежную часть города — напоминает мирные картинки Костромы. В мучительно тревожное настроение вливается за порогом сознания некоторая успокоенность.

24 (в среду) и 27 (в субботу) — был во 2-м ЛМИ. Отдал в работу (для снятия копии) мои графики к работе о ранней детской смертности. Составлял их в феврале–марте, в условиях особенно тяжёлых последствий голодания, и с большим удовлетворением вижу, что на усидчивости и качестве интеллектуальной работы это не оставляло следов. Только на неспособности ходить были ясны и ярко выражены влияния крайнего истощения, но не на умственной работе. Даже, наоборот, переживалось особое возбуждение мысли, напряжённые размышления в бессонные ночи. Всё время работал с 5 утра до 11 часов вечера (с перерывами) на огороде. Рассадил так и не достал никакой. После двух-трёх жарких дней (температура на солнце +45–50 градусов и более) помидоры взошли самосейные из семян в фекалиях в одной из борозд поля орошения. Начал их высадку. Рассаживаю всё время свёклу, репу и турнепс. Пересаживал самосейный картофель. Осталось из 20 незасаженных, приготовленных мною грядок теперь (30 июня) только — 5. Всего грядок мною вскопано, разрыхлено, удобрено около 70, из них засеяны мною: репой и турнепсом — 9, свёклой — 8, морковью — 4, картофелем (обрезками и посадками) — 8, капустой и брюквой — 10.

10 августа. Утром — 5 часов работал в огороде. Приготовил репу для Зиночки. Прорвал и рассадил репу и турнепс на первой половине грядок у калитки. Был позван Любовью Карповной пить чай, во время чая подвергся оскорблениям, причём было повторено в качестве брани, что я эксплуататор. Это даже и для патологической озлобленности переходит все пределы. Я ответил, что Л[юбовь] К[арповна] должна взять это ругательство обратно... Всё это при молчаливом отношении со стороны Зиночки и Л[юбови] В[адимовны]. Я ушёл, оскорблённый, униженный, молча. Подумать только — всегда стремлюсь и фактически выполняю все самые трудные, самые грязные работы (уборка фекалий, уход за полем орошения, колка и носка дров, вскопал все без изъятия грядки, унавозил их и пр. и пр.). Я каждый день на тяжёлой работе до пота и усталости с 4–5 час. утра до 8–9 вечера, когда все ещё спят, а вечером ложусь последний. На протяжении всей совместной жизни с этой женщиной я, покорный судьбе и раз сделанному выбору, отдаю весь свой заработок в её распоряжение, подчиняюсь всем, иногда большим для меня трудностям. Мягкость моего характера повела к тому, что она внушила и дочерям бессмысленную идею, что она владелица дома и участка, купленного и устроенного общими трудами. Терпеливо переношу все унижения, всю унижительную опеку по моему мягкотелому жалению, именно жалению. Но взамен — всё возрастающая несправедливость ко мне и всё растущая несдержанность. <...> В конце концов — неизбежно искать выхода из этого невыносимого, недостойного для меня положения.

12 августа. Угнетаете действуют сообщения о невероятно быстром продвижении гитлеровских полчищ к нефти, к Майкопу и Грозному. И всё же не колеблется вера и уверенность или страстная надежда, что с минуты на минуту наступит перелом.

20 августа. Целый день — с 4.30 утра до 9 час[ов] веч[ера], до усталости работал на «Полоске» (прорывал свёклу и посадил две новых грядки, пересаживал с большим комом земли помидоры). Внутренне терзался и изнывал безнадёжностью.

21 августа. Тяжёлая установилась и держится обстановка для меня на «Полоске». Отчуждённость по отношению ко мне и ничем не мотивированная вражда — вот то, что я встречаю здесь от моих «близких». Весь мой неустанный, тяжёлый труд здесь вызывает только пренебрежение и стремление унижить меня, осквернить самые лучшие мои побуждения¹.

28 августа. С 15 до 18 часов — на заседании Учёного совета ГИДУВа. На защите докторской диссертации Полякова. Выступал в качестве официального оппонента. Выступление предварительно тщательно было обдумано и хорошо подготовлено. Со значительным содержанием — о ведущем значении санитарной техники в коммунальной гигиене, о роли крупных санитарных технических установок и, в частности, — механических прачечных, об использовании этнографического материала (музей Академии наук) для выявления разных стадий развития белья и его стирки и т. д. Всё это очень отчётливо и стройно было связано с общим заключением и с перечнем второстепенных недочётов. Но, взойдя на кафедру, я впервые за тридцать лет преподавательской работы вместо обычного подстёгнутого настроения и яркого хода мысли почувствовал недостаток содержания и вынужден был ограничиться только случайно пришедшими на мысль замечаниями, но диссертацию, которая была передо мною и в которой в тексте и на полях были все мои заметки, открывать мне не хотелось из-за плохого зрения. Диссертант остался, как он мне сказал, весьма доволен моим выступлением, но у меня осталось крайне неприятное чувство неудачно, плохо выполненного долга.

8 сентября. Радио у нас не действует. Газеты вот уже два дня не видел. Тоска беспросветная. Чем больше тружусь на огороде и по дому, тем более безжалостное, требовательное отношение ко мне Любови Карповны и дочери, и внуки. Полное внутреннее, отчасти внешнее, отчуждение. Вся жизнь во всём городе и по соседству с «Полоской» стоит под знаком ломки домов для заготовки дров на зиму. Переселяют в каменные дома, а деревянные идут на

---

¹ К сожалению, из-за подавленности семейными неурядицами, вызванными собственным нежеланием окончательно решить, какая из двух семей ему дороже, З. Г. не отметил в дневнике важное событие — приезд в командировку с фронта мужа Зинаиды Захаровны — Арсения Владимировича. 9-го августа Шнитниковы с Любочкой присутствовали на первом исполнении в Ленинграде 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича. З. Г. собрал для них в саду букет из переживших зиму многолетников. «Букет получился чудесным... в блокаду!» — вспоминал Арсений Владимирович. — «Сама же Зинаида Захаровна написала вместе со мною дирижёру К. Элиасбергу записку с глубокой благодарностью за сохранение музыки в блокадном Ленинграде. Записку положили в середину букета. ...Можете себе представить, какой фурор производил этот букет на улицах и в трамваях, да и в самом зале Филармонии. Ведь о зелени тогда думали только в аспекте её пригодности для еды!!! ... По окончании симфонии Люба нерешительно идёт к эстраде, где стоит Элиасберг, и протягивает ему букет. Он наклоняется, берёт цветы, пожимает Любе руку... Кругом все улыбаются, взволнованно аплодируют...». В течение всех послевоенных лет и до сих пор этот эпизод с вручением Любой букета Элиасбергу упоминается во всех статьях и фильмах, посвящённых первому исполнению 7-й симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде.

слом. Каждый должен заготовить 4 кубометра дров на сломе домов (из них 2 кубометра лично для себя). Травматизм. Обстрелы артиллерии и с воздуха за год осады произвели во много раз меньше разрушений, чем это кем-то надуманное саморазрушение. Тут какие-то элементы безумия или бесшабашного скудоумия. Разве хоть в бреду, год тому назад можно было представить себе такие, обычным тоном передаваемые сообщения. Приоткрывается калитка. Две девочки, старшей лет 16. «Продайте рябины». — «Ну, что вы, что за продажа». — «А как же, теперь всё за деньги. Вы меня знаете. Я сестра Вовы Шлезингера, мы — ваши соседи. Теперь я одна. Наш дом ломают, жду машины, чтобы перевезти вещи. Дали комнату на Невском. А вчера при сломе дома нашли голову мамы. Её, маму, съели зимой». — «Да что вы, быть этого не может!» — «Нет, это верно. И протокол составили. Вы разве не слышали? Ведь тех, кто съел маму, уже поймали и арестовали» и т. д... Вот такое содержание обыденной, привычной жизни.

12 сентября. Был в Институте для усовершенствования (ГИДУВ). Труп, а не живущий и борющийся организм. Нева с Охтинского берега. Виды русского города через Неву на Смольный монастырь и собор. Томительная пустота. Домой попал в 9 часов вечера.

14 сентября. Утром — выкопал ведро картошки, снял брюкву. Свёклы и турнепса — две тачки. Спил три подсохших рябины. Устроил под домом третий ящик с овощами. Ваня Савраскин — в пьяном, привычном для него состоянии. Разнуздан. С безмерным самомнением, развязан до наглости, но всё же есть какая-то симпатичная черта — любовь к труду, к справедливости и равноправию. Напился одеколоном.

15 сентября. Утром — 5.30. Заморозок. Ледяная корка на листьях капусты, помидоров и пр. Замёрзли огурцы, тыква, кабачки. Опять бандитское нападение на грядки турнепса. Выборочно похищены самые крупные экземпляры. Срезанная ботва навалена на грядки. Ввиду мороза, а больше в предупреждение хищений, целый день убирал «урожай». Снял 10 кабачков, 6 головок цветной капусты, полную чашку мелких огурчиков. Снял почти всю египетскую свёклу (около 1 п[уда]), более 2 пудов кормовой свёклы и около 1 пуда брюквы (самые крупные — более 2 кг каждая), до 6 кг кочанной капусты. После обеда окончательно выкопал картофель (три полных ведра) и снял более крупный турнепс. Осязательно ясно, что зиму не прожить с таким малым запасом овощей.

21 сентября. Продолжал весь день работы по уборке овощей. Была комиссия по осмотру нашего дома на слом. Одна за другой рвутся нити, связывающие меня с жизнью. Этой беды мне не пережить.

24 сентября. Весь день прошёл под грохот от слома Богдановского чёрного североскандинавского замка. Работал по уборке довольно скудных остатков урожая корнеплодов. Значительную часть изгрызли мыши, другую часть — разворовали. Собрал ещё ведро моркови, ведро репы и ведро мелкой свёклы. Бессмысленная вредительская система слома большого деревянного дома — ещё не съехали жильцы и не свезена вся мебель, в окнах — во весь проём зеркальные стёкла, в доме — дорогие дверные, оконные, печные, санитарные приборы, а крышу уже пробили и варварски руют и крушат трубы, рубероид, разные балки.

25 сентября. С утра убирал срубленные деревья рябины. С рябиной целая эпопея. Голодный запрос на ягоды. Невыносимо унижительна необходимость постоянно стягивать и гнать с деревьев женщин, постоянно устремляющихся на рябины, как раньше это проделывали свиристели, дрозды, рябинники и галки. Затем собрал большое ведро свёклы. Подготавливал к пересадке малину.

7 октября. С 11 до 14.30 Горздрав, научное бюро санитарной статистики. Обсуждение моего доклада о постановке изучения динамики демографических показателей в период войны. Решено созвать общее собрание Общества гигиены. С 14.30 — 2-й ЛМИ до 17 часов. Домой вернулся в 8.30 вечера. От Илинки чудесное письмо — вполне ответственного советского гражданина в беспредельно ответственное время.

9 октября. Целый день один на «Полоске». Осенняя уборка. На чердаке зашивал фанерой разбитые окна. Визит «уполномоченного» милиции. Всё обнюхивает, осматривает, ищет, а может быть это манера гоголевского городничего для активного воздействия на «преступления».

10 октября. Полдня ожидал возможности сесть в № 20, потом поехал в Озерки (своеобразная картина осени и разрушения, чудесный ландшафт) и только к 16 часам добрался до Финляндского вокзала. Домой попал наполовину пешком (аварии трамвая), измученный, усталый. Дома — безжалостно холодная атмосфера. На душе беспросветно серо. Сыро, холодно...

11 октября. Пока недостаточно светло утром — возился с колкой дров и заготовкой в сарае растопок.

29 октября. Один, как перст, на «Полоске». Холодно. Часа два отняла готовка из овощей и тушёнки супа с добавкой рябины, свёклы и нескольких сухарей. Насытился. А дела столько, что если бы была не одна, а две головы, и не две — десять рук, а часов, пока светло, не 5 (с 11 до 16.15), а вдвое больше — всё равно всего не переделать, самоугрызение.

В 18 часов прошёл через «городок барачков» на Лахтинской ул. (по пути за хлебом). Сплошное разрушение на топливо для части. Для скорейшего разрушения — механизация, ворота, стальные тросы. Остался лес стояков. Жутко смотреть.

2 ноября. С 15 до 17.30 — состоялось заседание Гигиенического общества. Моё вступительное слово посвящено было памяти умерших с конца 1941 г. членов Общества (К. О. Шашев, С. И. Перкаль, А. А. Ашахмин, А. А. Садов, проф. Волжинский) Добавлены сведения о смерти проф. 1-го и 2-го медицинских институтов Полякова; какие-то глухие, тревожные слухи о В. А. Углове. Затем минут 45 мой доклад на тему о демографической проблеме, порождаемой войной, и доклад Е. Э. Бена «Итоги лечебно-профилактической деятельности Ленградского здравотдела за год войны». Присутствовали всего 20 лиц, но кроме Бена — это всё более или менее новые для Общества люди и привычных участников наших заседаний не было. Одни, видно, находятся на фронтах, а многих нет уже в живых. Вышел после заседания с Евсеем Эмануиловичем Беном. Он незлобивый, дружелюбный, милый человек. Свою душевную мягкость старается прикрывать иронией и шуткой. Настойчиво убеждал меня взять у него полкилограмма хлеба, так как по пути он в лавке взял на два дня 1 килограмм.

Огорчает меня безнадежное отсутствие душевной чуткости, раздражённость Любочки. С нею связывались у меня надежды на развитие её природной одарённости не в сторону банального эгоистического переживания, а в направлении чуткости к людям, тонкости и отзывчивости на их запросы. С 1 часа ночи до утра мучительное томление. Угнетает отсутствие света. Перебрал мысленно все возможности на ближайшие месяцы. Прихожу к тяжёлому заключению о трагически неизбежном конце. Никаких шансов пережить шесть месяцев холода, голода, темноты, беспросветности, пустоты вокруг¹.

3 ноября. Преследует и гнетёт чувство голода и ещё больше — всё нарастающий страх перед голодом.

7 ноября. Утром, при изрядном морозе (до 12 градусов) обычная работа по разыскиванию топлива. Со страхом смотрю на ничтожное количество дров (хватит на 2–2 ½ месяца при самом бережливом расходе, а как дальше?). Во второй половине дня пришли Любовь Карповна и Любочка, переутомлённые, переудручённые тяжестью обстановки... Вечером — воздушная тревога.

9 ноября. В 12 часов собрался, чтобы попасть в город для переговоров о возможном издании книги о старости с Лавкой писателей. Воздушная тревога прервала путь. Прошёл пешком через Английский проспект к Ланской; здесь пошли трамваи. Доехал до Нейшлотского, опять воздушная тревога. Пешком до Финляндского вокзала. Ожидал на морозе часа два до конца тревоги. Впал в отчаяние. Ни назад, ни вперёд. Только в 16 часов пошли трамваи. Доехал на № 30. Воспрянул духом от тёплого приёма в больнице им. Либкнехта². Домой добрался удачно, без воздушной тревоги. К моему изумлению — на «Полоску» вернулись все женщины 3-х поколений. Радость встречи, омрачающаяся раздражённостью.

10 ноября. Целый день на «Полоске», при наличии всего её населения. С натугой, преодолевая отвращение, писал весь день начало годового отчёта по кафедре 2-го ЛМИ.

11 ноября. Воздушная тревога с 9 часов утра продолжается вот уже 4 часа. Трамваи и вся деловая жизнь стоит. Даже лавки не торгуют во время тревоги. Какая бессмыслица. Только безнадежной тупостью или злостным вредительством может быть объяснено это самоистязание, которому подвергает себя город при воздушной тревоге. Зачем останавливать трамваи? Зачем публику заставляют часами находиться в безделье в подъездах? Почему автотранспорт может продолжать двигаться, а трамваи должны стоять? Никакого рационального ответа не придумать.

12 ноября. Опять воздушные тревоги помешали своевременному отъезду. Пешком прошёл всю набережную от Финляндского вокзала. Начи-

---

¹ З. Г. Френкель подолгу оставался на «Полоске» один, потому что в это время Зинаида Захаровна, работавшая учёным секретарём в Научно-методическом бюро санитарной статистики, по состоянию здоровья не могла ходить на работу пешком из Лесного и поселилась в квартире Лидии Захаровны на Михайловской. Там же стали проводить большую часть своего времени и Любовь Карповна с Любочкой.

² В этой больнице во время блокады работала Екатерина Ильинична.

нает [набережная] разрушаться от размыва. Никто никакого внимания. На заметку для Ленсовета: укрепление набережных. На Неве ледостав, но буксир пробивает лёд. Тишина в перерывы между канонадой. Безлюдье полное. От Илика успокаивающее о его здоровье и благополучии письмо и телеграмма. Домой добрался в полной темноте к 8 часам. В пути попал в яму с водой. Здания разобраны, а вода не заглушена. Водопроводная станция гонит воду и тратит топливо и ток впустую. На улице с боков целые ледники замерзающей воды. Как будто бы открывается, наконец, 2-й фронт.

22 ноября. Весь день на «Полоске», обычная нагрузка. Получил телеграфный запрос из ГИДУВа о доставке в понедельник списка трудов, автобиографии и заполненной анкеты. Эту анкету заполнял я уже раз двадцать. Каждый раз не меньше 10 часов. Кто были мои отцы и праотцы и пр.

25 ноября. Воздушная тревога помешала попасть в Институт здравоохранения. После мучительного ожидания трамвая, а затем изруганный и помятый в нём осатаневшими от злого голодного лая женщинами, всё же добрался.

27 ноября. Окна сотрясаются от канонады, Но это, кажется, наши посылают тяжёлые снаряды «к ним», а не «они» к нам. Два раза за короткий день воздушная тревога. В 5 часов уже темно. Света нет. Погружаюсь на 15 часов в абсолютную темноту. В доме — только мыши, крысы, курица и я. Вынужденное отупляющее безделье в темноте. Томительное ожидание рассвета. Придёт ли он, этот рассвет, или я его не дождусь? Лазал под дом. Там темно абсолютно. Щелей нигде не видно. Отеплить хорошо. Овощи целы.

28 ноября. Утром — совершенно один на «Полоске». Три часа упорной работы за дворника и за одну прислугу. На дворе метель. Берёт сомнение, ходят ли трамваи. С обычными трамвайными мучениями, изруганный злыми женщинами, всё же на № 18, пешком и на № 19 добрался до 2-го ЛМИ. Передал Т. С. Соболевой мои вставки к отчёту и текст одного дополнения для вставки цифр. Продовольственной карточки ещё нет. По пути во 2-й ЛМИ в трамвае виделся с Зиночкой. В давке и безумной тесноте не сразу узнал, но услышал её голос. Радостное волнение. Успели только перекинуться несколькими словами... Пешком до № 12. Через Охтинский мост трамвай не ходит. Вид на Неву с её взъерошенными ледяными торосами и пробивающимися, как в арктическом море, пароходами. Прошёл пешком до остановки на Охте № 10.

29 ноября. На «Полоске» — Любочка, раздражённая, неуравновешенная. Потом с большой нагрузкой пришла Любовь Карповна. Ужасно жалко её. Выразить ей сочувствие — это значит, на её языке, «проливать крокодиловы слёзы». Зиночка так и не приехала на «Полоску» из-за дистрофической размолвки с Любовью Карповной. Её привязанность, её любовь и самоотверженные заботы незаметно для неё самой превращаются во властное опекание, а не равноправное дружеское стремление к взаимному пониманию и толерантному признанию личности других. Получены московские газеты за 24–27 ноября. Замечательно изображение непостижимого героизма защитников Сталинграда в большой статье В. Гроссмана «Под главным ударом». С трепетным волнением ощущается где-то за пределами сознания близящийся перелом крупного масштаба...

1 декабря. Пока темно, обдумал до конца программу доклада на конференции 12 декабря: «Задачи здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». 1. Население страны (популяция), как непрерывно обновляющийся поток, как живое объединение возрастно-половых групп, находящихся в процессе постоянного изменения личного их состава от нарастания возраста, но сохраняющих обычно со значительной устойчивостью своё численное соотношение и мощность в населении. 2. Значение известной устойчивости сохраняющегося возрастно-полового состава населения для народного здоровья, для развития народного хозяйства и для возможного его планирования. 3. Нарушения в возрастно-половом составе населения, происходящие вследствие войны: а) нарушения соотношения полов в воспроизводительном возрасте (18–49 лет) вследствие безвозвратных потерь на войне убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести, а также вследствие преимущественной гибели в военное время мужчин и в тылу, а не только на фронте; б) нарушение возрастного состава мужского населения вследствие ущерба в численности мужчин рабочего возраста от безвозвратных военных потерь; в) наиболее резко выраженный ущерб в численной мощности поколений войны вследствие огромного сокращения рождений, убыли от не родившихся ввиду падения рождаемости через 9–10 месяцев после начала войны на весь дальнейший срок её продолжения, с добавлением ещё 9–10 месяцев и после демобилизации армии. 4. Распределение убыли от не родившихся, во много раз превышающей убыль от безвозвратных военных потерь, не на 30 поколений (возрасты 19–49 лет), как убыль от безвозвратных потерь, а на 2–4 поколения «детей войны». Вызываемая этим «демографическая яма» и её сильнейшее отрицательное санитарно-демографическое значение. 5. Задача здравоохранения по ослаблению и борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны и по устранению ущерба от «демографической ямы» для санитарного состояния населения: а) Система лечебных и санитарно-профилактических мер, направленных на замедление процессов старения, на продление жизни и активной трудоспособности, на ослабление патологической поражённости от болезней. Уменьшение этим путём запросов к численно ослабленным поколениям, родившимся в период войны, на замену выбывающего трудового слоя от преждевременного сгорания, изнашивания организма. б) Меры по особому сбережению детских групп для предупреждения их сокращения от смерти в детстве и для возможно большего укрепления их здоровья и дееспособности. в) Специальные задачи по сокращению убыли от не родившихся путём борьбы с недоношенностью, мёртворождаемостью, абортными и ранней детской смертностью.

2 декабря. Рождаёт малодушие и уныние режим темноты, холода и страха перед голодным днём. Не выдержать надвинувшейся и охватившей свою суровостью зимы — целых 120 (!) дней, один другого тяжелее, унылее, до первых проблесков апрельского солнца и нарастающих надежд вместе с пробуждением природы! Чувствую, как пригнетаются мысли, воля к жизни замирает, сознание подавляется, опутывается «робкой тишиной» перед зияющей пустотой.

3 декабря. Совершенно один на «Полоске». Нарубил и наколол натасканные в сарай материалы для дров. Двадцать лет тому назад в Петрограде кирпич заготавливался на развалинах домов, палат и храмов, а теперь тысячи «лесных» заготовок, вернее «заготовок» дров ведётся разборкой деревянных домов.

4 декабря. Впервые за зимнее время при очень слабом свете керосиновой лампочки занимался часа четыре вечером, а не томился без света (из-за отсутствия керосина) в бесплодных обдумываниях, без возможности систематически обрабатывать и облекать в письменную форму возникающие и складывающиеся мысли.

5 декабря. В 1 час дня отправился в город. Попал довольно удачно во 2-й ЛМИ. У вокзала опустил письма в Красноярск Лидиньке и в Молотов Лёле и Котику. На кафедре меня ждал Влад[имир] Иосиф[ович] Шафран. Постарел. Он потерял на войне младшего сына, сам долго болел. Лежал в «Астории». Теперь занят планами озеленения пустырей, кварталов и ненужных улиц. К этому привлечена лаборантка кафедры коммунальной гигиены. Хочет, чтобы я составил программу «научно-исследовательской темы». Будут у меня 9-го декабря, в 2 часа. Передал в переписку «Задачи, остающиеся на очереди перед кафедрой соц[иальной] гигиены». Экзаменовал студентов 4-го курса. Обращает на себя внимание замедленный, заторможенный ход мыслей от дистрофии. Получил 19 килограммов овощей. Возвращался в трамвае № 9 в нечеловеческой давке и брани... Только благодаря валенкам в темноте смог добраться через сугробы на «Полоску». В таких условиях пешком, с грузом бутылок и банок вернулась и Любовь Карповна. Всё на запоре, а ключ потеряла. Заперт и керосин. Предстоит длительное томление в темноте. Завтра обязательно начну писать отзыв на диссертацию Скороходова.

6 декабря. На рассвете, а точнее — до рассвета Любовь Карповна ушла — уехала на Михайловскую за ключом. Пока темно, убирал комнату и на дворе колол, носил дрова. Прочистил от снежных заносов всю дорожку от обоих входов в дом с улицы. Днём начал читать работу Зиночки о переписи стационарных больных от 4 ноября 1942 г. Совершенно из ряда вон выходящее появление Любочки, усталой, раздражённой. Так закрепляются функциональные нервно-психические расстройства. Без торможения, без критического отношения к своим импульсивным порывам, выкрикам... У меня это вызывает ощущение абсолютного бессилия моих воздействий, взывания к рассудку и логике, попыток пробудить чувство совести... День, как все в начавшуюся зиму, — под гнётом неумолимо надвинувшейся тяжёлой тьмы на четыре месяца. Тьмы, холода и изолированности от всего мира.

7 декабря. Вьюга, метель, мороз. Без валенок, наполовину пешком, прошёл в ГИДУВ. Получил официальную бумажку о награждении. В Институте — хуже, чем в прошлом году. Тошно и холодно. Получил 2 литра керосина, по подписному листу дал для Вал. Петр. 200 рублей. Обсуждал на кафедре тематику научно-исследовательских работ на 1943 год. Вернулся с огромными мучениями и трудностями.

8 декабря. С утра обычный круг дворницких работ. Убрал снег с чердака, закрывал там пол досками. С половины первого до 6 часов поездка,

обратившаяся в пешее хождение, — от Финляндского вокзала до больницы им. Либкнехта. Радость душевного отдыха. Екат[ерина] Ильин[ична] посадила меня в трамвай.

11 декабря. Днём окончательно привёл в порядок черновик годового отчёта. Мылся в кухне в корыте. Вечером все без остатка запасы пищи, оставленные мне до субботы, съедены. В десятом часу, промокшая, голодная, прозябшая явилась пешком от Финляндского вокзала Любочка, из-за сильного артобстрела трамваи не ходят. Оборваны провода. Идёт дождь, всюду большие лужи. Устала, разумеется, но всё было бы легче, если бы не упрямство, не истерическое самодурство её. Хлеба брать не хочет, по раз и навсегда предвзятому внушению.

12 декабря. Утром произвёл полную уборку квартиры. Добрался на № 18 и 9 до Некрасовской улицы, Далее пешком по Некрасовской, Маяковского и Жуковской. Ужасные последствия вчерашнего артобстрела. Окна все разбиты, крыши разворочены почти во всех домах, вплоть до больницы Раухфуса. Снаряд попал в роддом Снегирёва. На ул. Жуковского — разбитый трамвай, порваны провода. С 12 с половиной до 2-х с половиной отбирал графики для доклада. С 3 1/2 до 4 1/2 — мой доклад о демографических последствиях и борьбе с ними. Сделал доклад во весь голос, не вяло, но из-за боязни, что не хватит времени, всё самому казалось скомканным, в особенности после того, как получил от председателя записку: «Ваше время исчерпано». Потом прослушал 4 доклада об авитаминозе 1942 г. в Ленинграде. В абсолютной темноте с трудом добрался до Зиночки. Принят был очень радушно. По радио слушал все сообщения. Обдумал выступление для участия в прениях.

20 декабря. На «Полоске» более людно. Все, кроме Любочки. Она предпочитает быть одна на Михайловской. Почти весь день работал во дворе, с дровами. Просматривал главу о возрастном составе населения и о движении населения из моей книги о старости. Обдумывал, как связать это с дополнительной главой, которую хочу написать, — о «законе населения». Что вкладывается в это обозначение? Нет словесного выражения для ощущения зияющей бездны, вызываемого гитлеровским атавизмом варварского людоедства, охватившего миллионные массы немецкого стада убийц, палачей, организаторов и исполнителей тупоумных смердяковских замыслов истребления евреев — от младенцев до стариков. Сообщение об этом Информбюро, напечатанное в «Лен[инградской] правде», приводит к оцепенению. Всё нужно бросить и идти в качестве рядового против этих разбойников.

21 декабря. На дворе слякоть, промочил валенки. Работал через силу, без удовольствия. Всего ломит, тянет, познабливает. Перечитывал последние главы работы Урланиса «Закон населения». Спускался под дом — достал 2 ведра овощей. Крысы съедают до тонкой внешней кожуры избирательно — брюкву. Самые лучшие экземпляры съедены. Пропало столько моего труда! К вечеру появились резко выраженные явления желудочного катара. Написал четыре письма: Илику, Лёле и Лидиньке. Вокруг и внутри — серая пустота.

23 декабря. В Бюро санитарной статистики прочёл неумный отзыв о моей программе исследований связи демографических сдвигов с

соц[иально]-эконом[ическими] и коммунал[ьно]-бытов[ыми] изменениями в осаждённом городе некоей Менделевой (подлинно — «а судьи кто?!»). Не очень высокой пробы и виляния, заметания следов хвостом и угодливо-податливый ответ Бена о моей программе. Он мог бы, пожалуй, понять смысл и значение поднимаемого мною вопроса об экологическом исследовании диалектической взаимосвязи санитарно-демографических явлений («показателей») со всею сложной перемежающейся сетью изменений и явлений экзогенной¹ среды, да к чему?! — Лишнее беспокойство, не проще ли идти в колее начальственных эвфемических предуказаний. Всё равно против рожна не попрёшь. А так удобнее и без тревожащих разговоров, наставлений и пр. Это, собственно, житейская мудрость, свойственная старению так же, как старению свойственно поседение (такое сильное у Бена), и некоторые отношения из области флирта, свойственные — по Некрасову и Гоголю — «молодящимся старикам». Всё это у Бена одевается в безобидные, никого не раздражающие проявления скептицизма, благодушия и доброжелательности к людям.

Во 2-м ЛМИ получил два «предписания»: немедленно написать а) мой доклад и б) моё выступление в прениях на конференции 12–13 декабря. Таким образом, у меня неотложных письменных работ накопилось немало, а выполнять их почти никакой возможности нет. Днём — полутёмная серая мгла, а вечером и ночью — при свете керосиновой лампы (очень плохой керосин) работать я не в состоянии. В порядке неотложности нужно в ближайшие дни: 1. Прочитать вновь переписанную и переплетённую мою работу о детской смертности по материалам 1939–1940 гг. и вставить несколько графиков. 2. Написать автореферат моего участия в прениях на конференции (об авитаминозах, истощении от голода, отрицательного энергетического баланса. 3. Написать доклад «Задачи здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». 4. Написать программу научно-исследовательских работ 2-го ЛМИ на 1943 г. 5. Написать программу научно-исследовательских работ ГИДУВа на 1943 г. 6. Написать отзыв на диссертацию Скороходова «История микробиологии в дореволюционной России». 7. Написать отзыв (предварительно проштудировав) на диссертацию Рязанова. 8. Написать А. Я. Гуткину обоснование темы об условиях организации режима трудовых процессов и занятий для пользующихся в стационарах.

25 декабря. Вечером — мирное пребывание за общим столом. От Зиночки получил подарки к 73-летию. Очень трогательно, но куда не уйти — два внутренних мира без возможности взаимного понимания. От Т. С. Соболевой Любочка принесла приветственное письмо мне. В сумраке гаснущей лампы написал благодарности и мои новогодние пожелания. Томительные часы ночного пребывания в постели без света прошли в невесёлых воспоминаниях о протекшем ещё одном годе моей жизни. Их уже так немного остаётся у меня впереди, а в моём окружении — и близком, и более далёком — не видится идущих мне на смену дружественных сил. Растёт изоляция, всё более одолевает пустота, но не погасла надежда на лучшую обстановку для общения в труде, в подготовке людских кадров.

¹ В медицине — происходящий от причин, лежащих вне организма.

26 декабря. От Илика два письма из Куйбышева. Радостно переживать его внутренний рост и ощущать, что он — мой желанный заместитель в жизни. Прокладывает свои пути... Так хотелось бы теперь с ним свидеться, быть поближе.

31 декабря. На рубеже двух годов — 1942 и 1943-го я записал о растущей изоляции моей от окружающей жизни вследствие смерти и отъезда из Ленинграда многих близких, друзей и соратников, с которыми и через которых поддерживались связи с людской стихией. Это самое ужасное для меня наследие 1942 года, почти безнадежно непоправимое, так как теперь, когда мне уже полных 73 года, новые связи трудно возникают...

1943 г.

3 января. Тускло просвечивает через туманную облачность солнце. Непрекращающаяся канонада, по временам — где-то очень близко. Какая-то физическая слабость. Поработал с дровами не более часа, уже промок весь насквозь от пота. Одиночество и гложащая тоска, хотя питание эти дни почти достаточное.

6 января. Вернулся домой на трамваях №№ 19, 9, 18 и отчасти пешком вследствие порчи трамваев, только в 7 часов. С половины 8-го до 12 час[ов] ночи — воздушная тревога, непрерывный гул зениток. Ночью — вновь тревога.

7 января. Первую половину дня один на «Полоске». Читал Яковенко о кондиционировании воздуха. С 3 до 5 — пилил дрова. Вечером при полусвете лампы немного занимался. Колоссальное нападение крыс, не дающих покоя ни днём, ни ночью. Вечером в 8 часов воздушная тревога, грохот зениток. Мороз около -20 градусов. Необычайно красиво.

10 января. Чувство сильного недомогания. Холодно. Мороз -21 градус. В окончательном виде написал письма в «Лен[инградскую] правду» с обоснованием предложения о снятии цепей с пушек из ограды стасовского Спасского собора для постройки танков.

Большое огорчение доставляет мне (наблюдение со стороны) полное отсутствие у Любочки самоконтроля, работы над собой, самокритики, выработки приемлемого для жизни в коллективе поведения и характера реагирования. Дело представляется в этом отношении прямо безнадежным. Совершенно бесполезно предпринимать попытки остановить её внимание на этих вопросах, а она сама всё больше и больше себя в этом смысле запускает. Становится банально капризной, сосредоточенной на своих раздражениях девицей осаждённого Ленинграда.

В течение дня читал диссертацию Скороходова. Вечером написал письмо Лёле. Около 10 часов вечера — сирена воздушной тревоги, грохот зениток и в этот момент из печки со взрывом вылетела поставленная туда и забытая банка мясных консервов. Разрыв её был принят за взрыв бомбы. Осмотр чердака, стояка, а затем — трагикомизм был обнаружен.

14 января. Ходил в город из Лесного. Чувство усталости и полной развинченности. На обратном пути доехал до Финляндского вокзала, а потом

пешком до Бабурина пер. Артобстрелом испорчены пути. В домах на Нейшлотском и Бабурином вынесло стёкла и рамы.

15 января. Утром пилил дрова. Просматривал II том «Гигиены» (кондиц[ионирование] воздуха Яковенко, гигиена оборуд[ования] помещений Прокофьева). В 5 часов направился к Зиночке на Михайловскую, чтобы не зависеть от трамвая утром и поспеть к лекции. Воздушная тревога в пути, но дошёл благополучно. Обычное радушие и создание уюта Зинойкой. Воздушная тревога с 8 до 12 часов.

16 января. От Зинойки с Михайловской до Литейного пешком, затем до Кировой на трамвае № 9. Потом — пешком. Пришёл к 11 часам. Очень дружественное свидание с директором И. Л. Вейнбергом. Он удручён смертью отца (64 лет). Продолжает поддерживать надежду на возможность печатания моей книги в феврале. Очень бы мне этого хотелось, но вера в успех и выполнение обещаний у меня вся потеряна. Лекцию полуторачасовую провёл без перерыва, без утомления, с интересом, оживлением с моей стороны, при глухом безразличии немногочисленной женской аудитории. После лекции виделся с проф. Вас. Алекс. Соколовым. От директора узнал о необходимости мне лично говорить с Алексеем Фёдоровичем Коноваловым. На №№ 42 и 30 — к Ек[атерине] Ил[ьиничне]. Письмо от эвакуировавшейся д-ра Троицкой. От Илика писем нет. В 5 часов Ек[атерина] Ил[ьинична] проводила меня к трамваю. У меня ощущение, как у Гл[еба] Ив[ановича] Успенского, что меня «выправили». Дома вечером — очень милое письмо от Евгения Ал. Брагина. Ночью в темноте обдумывал программу ближайших работ: 1. Мёртворождаемость по месяцам 1940–1943 гг. (показатели, независимые от неизвестного количества населения). 2. Через пищевую Госсанинспекцию получить всю «калорийность» по месяцам (среднее взвешенное для 3-х катег[орий]). 3. Получить записи обо всех новорождённых по календарным месяцам 1941–1943 гг. 4. В Трамвайном управлении — количество перевезённых пассажиров по месяцам 1941–1943 гг. 5. Кратко написать обзор демографических данных за 1941–1943 гг.

17 января. На «Полоске» в доме очень холодно — не согреться. Целый день штудировал «Нормы проектирования медико-санит[арного] учреждения», изд. НКЗ, 1939. Во второй половине дня приехала (пришла) Зиночка. Хорошие вести с фронтов (Воронежск[ого], Сталинградск[ого], Северо-Кавказск[ого]). В сумерках, когда уже было невозможно читать в комнате, колот дрова на дворе. По обыкновению, после полуночи и до утра, бессонное пребывание в постели в ожидании света.

«My soul is dark...» (Байрон)

Душа моя мрачна...

Она страданиями напоена,

Томится долго и бесплодно...

Но страшный час настал,

Теперь она полна,

Как кубок смерти яда полон. (Лермонтов)

18 января. Утром, пока темно, квартирное самообслуживание. Потом на дворе расчищал проход от снега, колол дрова.

Окончил чтение «Норм проектирования мед[ико]-санит[арных] учреждений». Колебания перед принятием решения — отправляться ли в город (в Стоматологический институт и за пайком)?

19 января. Утром соседка принесла весть о сообщении Информбюро по радио ночью о том, что прорвана блокада! С трудно передаваемым волнением жал руку и благодарил принесшую эту весть. В 12 часов во 2-м ЛМИ. Читал лекцию 3-му курсу по госпитальной гигиене. В 1 час объявили общеинститутский митинг. Мне предложено было (от имени студенчества и парткома) выступить в числе других профессоров. Сам я не очень удовлетворён своим выступлением.

20 января. Поздно вечером при мерцающем свете керосиновой лампы написал для «Профилактики»: «Прорыв блокады — сигнал к ещё большему объединению, сплочению и напряжению сил». Закончил строфой из «Оды к юности» Мицкевича: «Давайте же руки, в нас дружная сила...» и пр.

21 января. Утром — утомительное самообслуживание. К 11 ½ часам приехал (отчасти пришёл) во 2-ЛМИ. Передал написанное для газеты «Профилактика». Лекцию по госпитальной гигиене с 12 ½ до 14 час. 10 мин. (без перерыва) провёл без усталости. С Р. А. Бабаянцем условился о ближайшем заседании Гигиенического об[щест]ва.

При возвращении домой у Финляндского вокзала меня застала воздушная тревога. После бесплодного ожидания конца тревоги при морозе в –22 градуса отправился пешком по Лесному проспекту, Литовской, Б. Сампсониевскому. У Флюгова — конец воздушной тревоги. После часового ожидания трамвая № 18 добрался домой в 6 ½ часов в нетопленную холодную квартиру усталый, измученный. Всю ночь с 11 часов вечера до 7 часов утра в темноте, от холода ни на минуту не уснул. Водопровод в кухне замёрз. Замёрзла даже вода в баке (в котле) под плитой. Канализация вышла из строя.

22 января. День выходной, как и 23 — суббота. Всё утро топил печь, чтобы согреть кабинет, и плиту на кухне, в надежде, что удастся оттаять замёрзший водопровод. Тщетно. Потом пилил и колол дрова до третьего пота. Получена почта: «Моск[овская] правда» за 18–20 января и «Лен[инградская] правда» за 21-е. Статья Ильи Эренбурга о возмездии за Ленинград. Душат слёзы. Интересна в «Правде» статья Тихонова (классический случай). Получил письмо от А. Я. Гуткина о встрече нового года на фронте. Днём читал (в русском переводе) Гиппократ о воздухах, водах и местностях (текст на греческом яз[ыке]).

23 января. Тяготы самообслуживания при замёрзшей канализации. Часа два работал во дворе (перетаскивал на чердак рамы, в сарай — брёвна и доски). Светлый солнечный день, но сильный холод. Несмолкающий гул орудий.

Составил повестку заседания Гигиенического об[щест]ва, предположительно на 3 февраля. Первым поставлено моё сообщение о плане развёртывания работы Об[щест]ва в первой половине 1943 г.

В ближайшее время попытаться через Е. Э. Бена, Р. А. Бабаянца, Т. С. Соболеву устроить предварительное совещание о согласовании научно-

исследовательской деятельности по гигиене, санитарному благоустройству и санитарной статистике с участием проф. Страшуна, Менделевой, Бабаянца, К. О. Полякова, начальника Госсанинспекции Никитина, Бена, Френкеля. Написал памятку об этом для передачи через Зиночку Бену. Вечером до 3 часов ночи воздушная тревога и сильнейший артобстрел. Под домом работали Зиночка и Любовь Карповна: все овощи, заготовленные мною в двух ящиках на февраль и март, совершенно и до конца съедены крысами. Канализация под домом замёрзла. Через стыки выливается и затопляет подполье клозетная вода. Безотрадная перспектива в течение не менее 4-х месяцев оставаться без клозета и умывальника. Сегодня на оттаивание изведено много дров и бесконечно много труда Зиночки, но всё тщетно...

24 января. Утром — работы из-за отсутствия канализации. В 9 ½ часов вышел, чтобы ехать на лекцию в ГИДУВ. Мороз -24 градуса. Сразу сел на № 9, но у 1-го Муринского около часа заняла возня из-за аварии. Наконец, двинулись, но у Флюгова под трамвай попала женщина. Длительная задержка. В 11 ½ часов вернулся домой. Замёрз. Упал духом. Всего пронизывает ощущение слабости и полного бессилия. Никуда больше не в состоянии двинуться. Это угнетает.

25 января. Утром большая работа с колодцем для воды. Водопровод окончательно и безнадежно замёрз — до июня! — на целые полгода. Разбил лёд в колодце. Устроил ведро для вытаскивания воды. Принёс 3 ведра. Приготовил в коридоре место для выносного судна.

С 11 часов воздушная тревога. В 13.30 вышел из дому, чтобы ехать в госпиталь. Тревога продолжается. Пришлось вернуться. Мороз -28 градусов. Упрёки и неодобрения со стороны Любви Карповны. Всё это окончательно меня обездоливает и лишает воли и силы тянуть так жизнь. После унижительной перебранки почему-то (для меня самого неясно — почему) на этот раз мною овладело чувство жаления не к себе, а к ней... Ведь ей, как и мне, уже больше 70 лет, и она задолго до рассвета весь день и до позднего вечера работает по дому и ведёт весь дом. На лице, у подбородка, складки старости. Зачем отягчать ей тягости старости моим отстаиванием своей личности. Всё равно для меня домашняя среда и обстановка — поле жизни не главное, а третьестепенное. У меня есть другие области проявления моей личности, есть области глубоких, радостных, светлых и согретых теплотой переживаний. И меня начинает наполнять, овладевать мною внутреннее, ранее до моего сознания не доходившее, жаление, воля к жалению, к устранению моего реагирования на неодобрения и упрёки, отягчающего положение. Я ощущаю это моё настроение, как переломное.

Воздушная тревога днём и вечером. Вчера вечером весь наш дом от крыши до основания колыхнулся от взрыва бомбы. Бомба эта была сброшена с немецкого самолёта в Лесном парке подле госпиталя.

Тяжело не иметь газет, вот уже четвёртый день. После обеда, когда начало темнеть, часа два работал во дворе и топил печи. Весь день вместо работы за письменным столом читал «Отверженных» Виктора Гюго. Необузданная и ничем не связанная фантазия в сочинении фабулы по типу уголовных романов. Редкие крупницы психологической наблюдательности

и правды. Непривычная и не устраивающая теперь читателя утрировка и нереальность поведения героев.

26 января. Тяготы замены канализации выносом горшка и черпаньем из колодца вместо переставшего работать водопровода. Вышли все распиленные дрова и приходится, за отсутствием пилы, действовать только топором. Полное одиночество на «Полоске». Любовь Карповна после службы уедет на Михайловскую. Провёл полную уборку всей квартиры и почувствовал, как это сложно и утомительно, а Любовь Карповна делает это каждый день утром перед отъездом на работу¹.

В половине второго дня очень удачно попал на трамвай № 9 и № 30. От Илика доставившее мне радость письмо. Он совсем уже прочно стоит и движется в жизни на собственных ногах². Полон упоения от общения с окружающими, от дружбы со своим комбатом, от своей инструкторско-преподавательской работы, от победного продвижения Красной Армии...

На обратный № 30 попал не сразу, а на № 20 — и совсем не попал. Добрался с огромным трудом на № 18 и домой приплёлся только после 8 часов, пробыв в пути и ожиданиях трамваев более двух с половиной часов. Один на всей «Полоске». До 2 часов ночи читал «Отверженных» В. Гюго, пока не прочитал до конца. Впечатление от второй части и конца такое же, как записанное выше. А всё же — живёшь под впечатлением прочитанного. Во всём доме грызут полы и стены, проедают портфели, шумят и звенят посудой крысы. Всю ночь воздушная тревога.

27 января. Поездке во 2-й ЛМИ помешала воздушная тревога: трамваи стоят, вся жизнь во время тревоги нарушается. Почему останавливают трамваи, мне совершенно непонятно. Ведь грузовики и автомобили продолжают своё движение, зачем же выключается ток днём, когда сверкания не видно? Весь день на «Полоске» я совершенно один, приходила только, взывая о помощи, глухая женщина из дома Оранских. К ней явились милиционер и двое с ним людей, топорами взломали двери во все запертые комнаты. Заявляют, что будут ломать дом. Ушли к домоуправу, а глухая, вся в крови от порезов разбитым стеклом, прибежала ко мне. А я? Что могу я сделать?

В 4 ½ часа принесла почтальонша газеты — «Моск[овскую] правду» за 23–25 января и «Лен[инградскую] правду» за 26–27. Банальная и не яркая (отдаёт квасным патриотизмом) статья А. Толстого. Очень знаменателен привет в виде длинного письма лондонского лорд-мэра к председателю Ленсовета. Вечером вернулась Любовь Карповна, проведя 4 часа в трамвае из-за тревоги.

28 января. Утром — в полной темноте, в 7 часов ходил в «Горелый»³ за хлебом. Получил по двум прикреплённым карточкам (500 x 2) 1 килограмм белого хлеба за 1 руб. 90 коп. Очередь — более полусотни, преимущественно женщин. Обозлены, ругаются и грызутся, как в трамвае. Дома

¹ С начала 1942 Любовь Карповна работала преподавателем иностранных языков (сначала немецкого, а затем и английского).

² В это время Илье Захаровичу было уже 23 года.

³ Так назывался магазин, в котором жители «Полоски» получали продукты по карточкам.

всю уборку квартиры произвела Любовь Карповна. После её отъезда на работу я колос дрова. Принесли газеты: «Моск[овскую] правду» за 26 и 27 и «Лен[инградскую] правду» за 28-е. В моём понимании только теперь принимает подлинные размеры и значение Сталинградская стратегическая операция. Это — переломный удар, после которого начинается новая полоса — полоса подъёма и роста нашей наступательной силы. Это настоящий апофеоз стратегической мудрости, решимости и твёрдости Сталина. Рузвельт и Черчилль с их штабами десять дней думали, гадали и хорошо говорили и писали, а Сталин действовал, настойчиво, могуче и в действии, а не в словесности множил силу, значение и независимость от помощи союзников Красной Армии и Советского государства. Пожалуй, теперь союзникам нужно уже не для нас, а для себя поторопиться со вторым фронтом.

Получил письмо от Илика, хорошее, радушное. От Лидиньки и отдельно — письмо-открытку от её Василька. Поздно вечером получил часа на два лампу. При её полусвете прочитал в «Правде» все корреспонденции с Донского и Сталинградского фронтов.

29 января. В 7 ½ часов удачно сходил в «Горелый» за хлебом (получил на два дня белый «по прикреплению»). Погода мягкая, пасмурно. Может быть, благодаря сумрачному небу не будет воздушной тревоги. Потом часа три, четыре — домашняя уборка, топка моей печи, безуспешная борьба с крысами, всю ночь неистово шумевшими и грызущими книги и бумаги. К моменту отъезда к Зиночке — около 5 часов — воздушная тревога, которая с перерывами продолжалась до позднего вечера. Только после возвращения со службы Любове Карповны до моего сознания дошло, что я пропустил все сроки для получения продкарточки на февраль. Попытался выйти из дому, но почувствовал изнеможение, упадок душевных сил. Пульс (в 10 часов вечера) = 69-5, т. е. в некоторые минуты 4-5 выпадений. Малодушная боязнь, как попаду завтра в город. Тяжёлая тревога за Любовь Карповну...

Получив лампу (с 10 до 12 часов вечера), два часа занимался черновыми набросками о «Законах населения» (добавление к стр. 208 моей книги о старости и удлинении жизни). Думаю сделать ссылки из книги «Рост населения Европы».

31 января. С 7 ½ до 9 часов тщетно стоял за хлебом. Прикрепил карточки на 1-ю декаду на белый хлеб. Затем 2 часа тяжёлых дворницких работ. Нападает малодушное отчаяние и изнеможение. За отсутствием пилы рубил тупым топором берёзовые брёвна. Скоро наступило изнеможение, сильное потение. Вернулся к себе совсем ослабленным. Отлёживался. Вечером — длительная воздушная тревога. Ночью в темноте продумывал тему о стационарном населении, о возрастном составе стационарного населения (L x), о численности стац[ионарного] населения (T x), о среднем темпе смены поколений в стац[ионарном] населении (I x). Как построить аккумулятивную кривую возрастного состава стационарного населения.

1 февраля. Обычный круг работ утром по двору и по уборке в доме. Егор Иванович взял 100 руб. за то, что поточил пилу. С 1 ½ до 6 ½ — поездка на №№ 20 и 30. Телеграфные поздравления Жени, Лодыгиных и Ланиной со снятием блокады. Для нас эти поздравления слишком преждевременны.

Оказывается, я пропустил лекцию в субботу 30 января в ГИДУВе. Вечером — много планов, но ничего не выполнено.

3 февраля. Домой на «Полоску» вернулся в половине 7-го вечера. На дворе — оттепель. Женщины (трудармейцы) чистят тротуары, производят уличную сколку льда без дополнительного питания. Несомненно, это опять вызовет увеличение «падежа» людей.

6 февраля. На кафедре во 2-м ЛМИ новая сотрудница-лаборантка, тяжёлая дистрофичка. Лицо опухшее от отёчности. Пытался ей преподать приёмы вычерчивания диаграмм. Студенты 4-го курса призваны и лекции откладываются до апреля. Печатание книги моей ни с места! Т. С. Соболева получила вызов в Самарканд, кажется, и сама хочет уехать. От «прорыва блокады» легче не стало. Пешком, на №№ 12 и 10 и снова пешком добрался до б[ольни]цы Либкнехта, к Ек[атерине] Ил[ьиничне]. Домой вернулся в 7 часов. Застал оживлённо болтающую Любочку. Память у неё, очевидно, великолепная: сдала остеологию и синдесмологию. Задал ей ряд вопросов и убедился, что она хорошо знает. Потом приехала Зиночка. Обычная сварливость между дочерью и матерью. Коса на камень.

9 февраля. Утром — вынос нечистот, черпание воды из колодца, удаление золы из печей, дрова. Проводил в стационар Любовь Карповну. Подготовился к «поездке» в ГИДУВ в 11 часов. Оказалась воздушная тревога. Непрерывный артобстрел города с раннего утра продолжается весь день. Переживал воздушную тревогу до 2 часов. В 2 вышел — тревога продолжается. Опять вернулся и вынужден был остаться на «Полоске».

11 февраля. От Илика всё ещё нет писем. Целый день артобстрел разных частей города. На «Полоске» пусто. Холодно. Темно.

12 февраля. Всё утро ушло на самообслуживание (уборка, топка печи и пр.). Потом колол, возил и носил дрова. Только к 4 часам закончил работы дворника и принялся за материалы к диссертации Эльмановича. Вечером при свете свечи читал полученные газеты. За весь день только дважды поел: утром и в 5 часов съел прокисший суп и хлеб с куском свиного сала. Вполне сыт. Получил милое трогательное письмо от Лидиньки. Опять о снятии блокады, такое искреннее, наивное.

15 февраля. Целый день и вечер до поздней ночи сильнейший артобстрел. Осколки залетели на «Полоску». Обычный круг работ по двору и дому. Утомительная и изматывающая работа по разборке архивных материалов. Составлял опись их за 1939–1942 гг.

16 февраля. С 6 утра занялся хозяйственной уборкой. В 7 часов отправился слушать радио (сводку), но радиоточка молчит. Из-за вчерашнего артобстрела оборваны провода. Трамваи по той же причине не идут. Вернулся очень расстроенный. В 10 часов ушла пешком в город Зиночка, за ней Любочка. Зиночка в порядке её заботливой опеки всё приготовила мне до субботы — всё до мелочей — и хлеб, и сахар, и суп, и кашу, и овощи. Нагрузилась большим мешком за спиной — моё грязное бельё и пр. Невыразимо больно за неё и так хотелось бы снять с них часть тяжести и тягот. Когда она уходила, меня душили слёзы.

17 февраля. Совершенно один на «Полоске». Артобстрел несколько слабее. До 1 часа читал Гиппократ, русский перевод, изд. 1936 г.: клятва,

Закон, о враче, о благоприятном поведении, наставления... С 1 часа готовился к отправке на заседание Гигиенического общества в Педиатрический институт.

21 февраля. День, как и все предыдущие. Много времени и сил поглощает уборка квартиры (вымыл пол в одной комнате, колка дров, заправка печей). Только вечером пришла (от Финляндского вокзала пешком из-за воздушной тревоги) Зиночка, а за ней позднее и Любочка. Стараниями Зиночки пили чай и обедали (вечером) вполне благоустроенно.

23 февраля. Артобстрел в районе больницы им. Либкнехта. Шрапнели рвались на виду, перед окнами, над Невой. Из-за остановки трамвая не мог уехать домой, остался на ночь у Екатерины Ильиничны.

24 февраля. Утро в чудесной культурной обстановке: электричество, академическое издание Лермонтова. Прекрасный завтрак. В 8 утра попал в трамвай № 30. На «Полоске» совершенно один. В 2 часа встретился с Зиночкой. С 2 ½ до 6 часов заседание у Ю. А. Менделевой. Обсуждался мой доклад. Нужно написать постановление Правления о штатах кафедр и о кооптации.

Вечером на «Полоске» один. Вёл безуспешную войну с крысами. Одолевают, грызут все двери. Подготовил к ужину 3 куска хлеба на столе. Отлучился на время в кабинет, вернулся, хлеб уже утешен. Ночью поднят был стуком. Искали из штаба к командиру дивизии живущего у нас, но не ночевавшего дома полковника.

25 февраля. Целый день неотлучно дома. Немного занимался. Пилил и колол дрова. Беспредельно расстроен гнусным варварством — весь день ломают дом Бедунковичей, невзирая на все ходатайства, слёзы, мольбы глухих старух, в нём живущих. Уже близится весна. Топлива кругом неиспользованного очень много. Теперь возможен уже подвоз торфа из Синявина, но бездушные мерзавцы-бюрократы делают своё подлое разрушение.

28 февраля. Без мучительного волнения и негодования не могу видеть разрушение дома Бедунковичей.

4 марта. В 12 часов воздушная тревога. Только к 3 часам добрался до Дома учёных. У набережной огромные корабли. Колоссальные разрушения замечательных домов с колоннадами в районе Круглого и Аптекарского переулков. Дом учёных — убогий, полупустой, жалкий. Внёс членские взносы (150 рублей). Столовая — харчевня в ночлежном доме или даже нечто много худшее. После двухчасового ожидания — борщ с «хряпой», совершенно несъедобный. Домой обратно на «Полоску» в 6 ½ часов.

18 марта. Утром с 7 до 9 часов уборка комнаты и надворные работы. Осмотр «зруйнованного» Богдановского участка. Удручает картина бессмысленного разорения, разрушения и расточения. Поистине — унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла.

23 марта. Днём сломали наш забор. Ломают маленькую хибарку Бедунковичей. Отправился говорить с начальником бригады взломщиков и разрушителей. Весь двор среди груд снега и сколков льда завален книгами, рукописями, чертежами, альбомами. Вандалы были более милостивы. Разговоры бесполезны. Трудно отделаться от безнадежного отчаяния.

24 марта. Утром собирал и кое-как временно ставил забор. Готовил завтрак и обед. В 11 часов ходил в милицию для заверки учётного листка

(потратил на это полтора часа). Получил затем в «Горелом» хлеб. На № 18 и № 3 к половине второго дня — в Зубоврачебный институт. До половины третьего прилаживание отремонтированного протеза верхней челюсти с применением нового метода — нанесения на протез растворимой мастики. Кажется, чудесный метод. В хозяйственной части 2-го ЛМИ заверил учётный листок. На кафедре подготовил к сдаче в библиотеку «Больничное дело» и «Советское здравоохранение». День без осмысленного содержания. Пустое, ненужное никому барахтанье. «Не трать, куме, часу, спускайся до дна»?

Ночью, как и в предыдущие ночи, длительные, повторные воздушные тревоги, разрушенные дома на ул. Мира. Чрезвычайно дружно, интенсивно бьют наши зенитки.

25 марта. Вслед за заходом солнца — воздушная тревога. Защитная работа зениток всю ночь.

26 марта. Смотрел кино «Сталинград». Непостижима выносливость человеческих нервов. Обращает на себя внимание полное отсутствие на экране какой-либо санитарной тематики и слабо представлены сцены сдачи немецкого командования. Изумительно искусство кинооператоров и их смелость.

28 марта. Приезд Зиночки. Нагромождение всё усиливающихся в своей тяжести и невыносимости неприятных положений и известий. Резкое ухудшение здоровья Любви Карповны из-за недостаточного питания в госпитале, ошеломляющая неприятность у Любочки¹. Немилой становится «Полоска» с постылыми картинками разрушения вокруг: слева — дома Бедунковичей, а справа — Богдановых.

29 марта. К постановке темы (на 1943 год) по коммунальной гигиене — «Обследование внутриквартальных и других пустырей в жилых районах города и выработка на основе данных этого обследования плана восстановительных работ»...

30 марта. В 1 час вышел из дому, чтобы попасть к 3 часам на кафедру до заседания. На № 20 доехал почти до военно-медицинской клиники, но тут воздушная тревога. Прошёл через Литейный мост, у Кирочной не был пропущен из-за воздушной тревоги. Только к половине 4-го добрался, наконец, во 2 ЛМИ. Сильный артобстрел. Новая воздушная тревога. До заседания успел получить продкарту на апрель. Переговоры с Захарьевым о желательности постановки доклада о подсобных прибольничных хозяйствах. В 5 часов в актовом зале открылось заседание Гиг[иенического] об[щест]ва моим вступительным словом.

Вечером опять новая, четвёртая воздушная тревога и артобстрел. Ночевал на Михайловской. Зиночка, как всегда, несмотря на усталость и боли, всё наладила, обеспечила уют и покормила.

1 апреля. Боль и огорчение доставило мне созерцание ужаса разгрома на месте небольшой бани, дома и сада Вали и Толи Бедунковичей: бес-

---

¹ Имеется в виду отчисление Любы из медицинского института в конце 2-го курса из-за участия её в выпуске рукописного студенческого журнала, который был признан парткомом «крамольным».

смысленно какими-то вандалами сломлена, порублена на части большая серебристая ель, такая чудесная, стройная, красивая — порублена в куски, валяется в грязи.

3 апреля. Утром — наружные работы по ограждению и приведению в порядок «Полоски». Снег уже совсем растаял. Земля оттаяла сантиметров на 10. В момент, когда вышел, чтобы ехать в город, — воздушная тревога. Вновь занялся наведением порядка во дворе. Всё усиливается и нарастает ни на минуту не дающая покоя тревога за здоровье Любви Карповны и за Любочку. Ведь со среды, т. е. более трёх дней, от Зиночки никаких вестей. В 1 час — новая воздушная тревога. Не дождавшись её конца, отправился к трамваю. Только в 3-м часу кончилась третья [воздушная] т[ревога]. Было уже поздно и мало надежды попасть во 2 ЛМИ и ГИДУВ. Решил хотя бы поговорить по телефону. На № 20 и 30 в 4 часа доехал до больницы Либкнехта. У Екатерины Ильиничны — чистая, залитая солнцем, с видом на Неву и Смольный, комната. Подлинная культура быта, распространяющая вокруг себя атмосферу устроения, налаженности. Всё это окружение будит внутренние настроения душевного отдыха, точно как в болезни — рождается надежда на выздоровление. Точно перестаёшь чувствовать непрестанно преследующую развёрстую пустоту, бездну без всякого содержания.

Воздушная тревога одна за другой вечером, как и днём. Случайно в промежуток удачно вернулся на «Полоску». Ни Зиночка, ни Любочка не приехали. Ночное появление жильца, вызванное страхом перед крысами.

4 апреля. Часа три прилежно работал по уборке и наведению чистоты в квартире. Заготовлял дрова, топил печи. В 3 часа пришла пешком от Литовской улицы Любочка. Безуспешно ходил за хлебом. Воздушная тревога.

9 апреля. Вечером (в 11-м часу) неожиданно приехали Р. Н. Зельдович и Зиночка. Зельдович в кратковременной командировке с фронта. Большую радость доставило мне свидание с ним. От него узнал, что Кругликов не умер. Работает в Академии наук в Уфе. Зельдович в чине майора с орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

10 апреля. Во 2-м ЛМИ узнал об окончательном отказе в отпуске бумаги на печатание моей книги о деятельной старости. Столько положено мною труда на эту книгу — и всё впустую, а ведь ценность её для укрепления идейных позиций советского государства совершенно очевидна и совсем не малая.

16 апреля. Весь день до вечера — ужасный обстрел из дальнобойных орудий. Снаряды непрерывно рвутся где-то неподалёку (по-видимому, в Лесном парке, на Пискарьёвке, на Охте). Непреодолимое моральное угнетение. Всю ночь одна за другой воздушные тревоги. От канонады невозможно заснуть. Всё небо в разрывах снарядов зенитных орудий.

14 мая. Целый день воздушная тревога.

15 мая. Утомляющая работа по вскапыванию грядок на «Полоске». Непрерывные воздушные тревоги. С 2 часов довольно удачно в перерыве между [воздушными] т[ревогами] проехал на №№ 18, 9 и 30 до больницы Либкнехта.

16 мая. С Зиночкой с половины 9-го пешком до Поклонной горы и до Лечхоза для обработки отведённого огородного участка в 170 кв. м. Про-

хладно. В пути пешком около 2 часов. Работали на огородах горздравцев до 4 ½ часов. Домой вернулись в полном изнеможении. На непросохшем задернованном овсяном поле вскопали 8 х 6 = 48 кв.м. Чрезвычайно много бытовых и природных впечатлений за этот день «колхозно-индивидуальной» работы. Полоска в 0,8 м шириной и 106 м длиной д-ра Бесова с женой. Бригада уборщиц и горздравской верхушки. Полная неподготовленность для обслуживания сотрудников Горздрава. Колоссальная затрата энергии для пешего преодоления огромного расстояния до отведённых огородов и пр.

17 мая. Отредактировал журнал заседания правления Л[енинградского] о[тделения] Гигиенического о[бществ]а. Вскопал у сарая две грядки. Был занят уборкой «Полоски». В город не мог поехать из-за непрерывно повторявшихся воздушных тревог.

20 мая. Объединённое заседание Гигиенического общества и Общества эпидемиологов — доклад о борьбе с грызунами В. А. Соколова. Поручено формулировать и представить в Ленгорздрав постановление. Моё дополнение: о постановке научно-исследовательских работ по биологии грызунов в Ленинграде (определить вес грызунов, время, место выкладки, выработки применяющихся средств к изменившимся условиям поведения и пр.).

30 мая. По существу — какая трагедия отправка на торфоразработки Любочки — болезненной, неуравновешенной, физически слабой, с тяжёлым заболеванием и в то же время богато одарённой интеллектуально. Подлинное расточение человеческих сил, способностей, возможностей эффективного использования людей. Попраание гуманности, издевательство над бережным отношением к людям, над целесообразной «расстановкой сил». Трагедия не только для Любочки, с её внутренним раздвоением, но и для меня при полном, отчётливом понимании совершенного бессилия помочь делу.

31 мая. Утром воздушная тревога. В 11 ½ часов отправился за хлебом. Опять воздушная тревога. В ожидании её окончания промаялся изрядно времени и потерял возможность попасть во 2-й ЛМИ на кафедру. Третий раз в[оздушная] т[ревога] около 5 часов. Не делаю того, что нужно. Обычное внутреннее самоугрызение. Жизнь без аромата жизни; тускло внутри, буднично, бесцветно, безвкусно, только глухая, придавленная тоска и томление, — будущее не рисуется никак...

23 июня. 4–8 часов. Тягостное и терзающее заседание Учёного совета во 2-м ЛМИ. Превышающий все масштабы грубой некультурности, невежества, отсутствия достоинства доклад директора Мееровича. Подлинное самовлюблённое подхалимство. По-видимому, никогда в жизни человек не слышал о достоинстве и добросовестности учёного. «Подпольный журнал» — жупел устрашающий, а ведь в действительности и намёка на что-либо похожее не было¹. Он, Меерович, будет «производить экзамен» каждого завед[ующего] кафедрой и пр. В тяжёлом, измученном состоянии, из-за воздушной тревоги пешком попал домой только в 11 часов.

¹ Здесь не в открытую, завуалированно Захарий Григорьевич рассказывает о том, как «прорабатывали» его за Любочку, которую обвинили в участии в выпуске якобы «подпольного журнала» и исключили из ЛМИ.

28 июня. Начинает в глубине тревожить и томить бессодержательное прозябание. Два дня уже свободны от воздушных тревог, но непрерывный гул орудий.

17 июля. 11 ½–12 ½ — в пути к Финляндскому вокзалу, а оттуда пешком, через мост, по Сергиевской, Фурштатской, Кирочной. Тротуары и улица завалены разбитыми стёклами и обвалившимися карнизами. Всюду идёт уборка женщинами. Под артобстрелом, мимо сапёрных казарм, пришёл в ГИДУВ. Ужасные разрушения. В моём кабинете осколком снаряда пробита стена. С 1 часа начал лекцию. Цикл весь в сборе. Рамы в аудитории выбиты. После трёх, четырёх сильных разрывов артснарядов — лекция прекращена. С 2 часов до 6 часов — в бомбоубежище. Сырой тёмный подвал. Казалось, не будет конца обстрелу. С облегчением, как только кончился обстрел, поспешил пешком до Финляндского вокзала. На Боткинской сел на трамвай. Пришёл домой на «Полоску». Застал уже вернувшуюся Зиночку и Любовь Карповну. Точно вновь вернулся к жизни.

18 июля. Утром с 6 до 7 ½ часов — работал в огороде. С 8 ½ часов утра отправился с Зиночкой на огород в Лечхоз. От Озерковского кольца трамвая шли по берегу 1-го и 2-го озера. Чарующие виды. Станция гидрологическая Арс[ения] Влад[имировича]. В моём представлении он, её инициатор и устроитель, рисуется в ином, очень выгодном свете. Окучивал в течение 4 часов картофель. Обратно — мимо второго озера. Несметное число купающихся. У меня озеро, его волны пробудили давно неиспытанное желание искупаться, плавать в воде. Домой добрались в 6 часов.

3 августа. При сильном артобстреле Выборгской стороны и Дзержинского района добрался к 12 часам в ГИДУВ. Просил врачей подняться из бомбоубежища в аудиторию. Прочёл до 2-х часов лекцию по водоснабжению (жилищно-коммун[альный] цикл).

11 августа. С 4 до 9 вечера — 2-й ЛМИ. Заседание Учёного совета под председательством разнузданного бурмистра — Мееровича. Как всегда, его тупое самодовольство и самовлюблённость ограниченного приказчика галантерейного магазина невыносимы. Непрерывный артобстрел.

21 августа. Артобстрел. Пешком до Троицкой, до Невского и от Нижегородской до Симбирской.

26 августа. За последние дни не могу преодолеть постоянной (с раннего ещё детства) болезни моей — негативизма — бессилия и неспособности приняться за выполнение того, что является неотложной, обязательной задачей. Под всякими предлогами и без предлогов — отлыниваю, откладываю, принимаюсь за что угодно, только бы не начать того, что обязательно нужно сделать. ...Так всю жизнь — обязательное дело выполняю только под плетью последней минуты срока ...и это подавляет, омрачает настроение.

3 сентября. Отвратительный день — от начала и до конца. Утром Иван Николаевич поймал мальчишку лет 16, укравшего много яблок. Один из надоевшей тройки. Свели в милицию. Длиннейшие протоколы. Только в 10 часов попал в трамвай. Трамвай из-за артобстрела был остановлен. С 11 до 6 часов — в Горздраве. Из-за артобстрела день пропал бесплодно. Около 7, после обстрела, пытался сесть в трамвай, упал на мостовую, расшиб себе оба колена. Вечером — полное бессилие, не мог ничем заниматься.

Всё то же состояние безразличия и разброда сознания. Получил открытку от Шистера.

5 сентября. Сегодня напишу письма, прежде всего — Илику. Ночью я вспомнил это. Вспомнилась замкнутая замыкающая колоннада. Купол над колоннадой и синева бездонного неба среди белесоватой зелени тянущихся к небу ветвей вековых тополей. Горячий, яркий свет июньского солнца. Мы оба на берегу Славянки, на мягком ковре густой травы. Я чувствую в этом родном мне, желанном мною маленьком моём сыне продолжение моего существования, моей жизни. И так непреодолимо желание, чтобы жизнь его была процессом развития, совершенствования того, что наиболее интимно дорого мне во мне. Когда это было? В котором году — теперь не установить даты. Думаю, что в 27 или 29 году, во всяком случае, это был один из самых счастливых моментов моей жизни...

14 сентября. Поездка на №№ 20 и 30. С 3 часов до 6 — ожидал окончания обстрела. Доехал обратно до Финляндского. В течение полутора часов переживал обстрел под лестницей. Домой шёл пешком, в темноте. Зарево большого пожара на Петроградской стороне.

21 сентября. Утром отредактировал очень неудовлетворительно составленный Е. Э. Бенем журнал заседаний гигиенического отдела от 1 июля. Затем работал во дворе: переносил дрова, убрал целую тачку турнепса и свёклы. Дома только один я. Много времени ушло на готовку обеда (накопал картофеля, сахарной свёклы и моркови, добавил зелёных помидоров — всё вместе обратил в тушёнку). С 2 до 5½ — поездка в ГИДУВ на заседание Учёного совета. Вечером уплатил за 2 кг муки 800 рублей.

22 сентября. Домой попал около 9 часов вечера. Тяжёлая ночь без сна, безнадежно мрачная перспектива надвигающегося анабиоза.

23 сентября. Утро до восхода солнца — холодное. Коченели руки. Со двора ушёл в кабинет. Написал письма сыну и двум дочерям. 2½–7½ — поездка на № 18 (от М. Сампсониевского до клиники пешком — мимо здания б[ывшего] Физиологического института И.П. Павлова) и на № 30. У Ек[атерины] Ил[ьиничны] — письмо от Илика. Дома вечером прекратился электрический свет. Заниматься стало невозможно. Весть о взятии Полтавы и Унечи.

25 сентября. С 10 утра до 3 часов — экзамен второй группы 4-го курса во 2-м ЛМИ. Мне передано из учебной части о моих лекциях 1-му курсу (новый набор): «Задачи врача и здравоохранения от Гиппократов до советского периода». 4, 5 и 8 октября, с 9 часов до 11. Артобстрел начался во время экзамена. С д-ром Шильган условился о прогр[амме] его диссертации во вторник.

6 октября. Работал над темой о режиме занятий для больных в стационарах. Первая лекция по организации здравоохранения 4-му курсу 2 ЛМИ (42 слушателя, на ул. Восстания). Домой вернулся с сильной болью в нижней челюсти (воспалены корешки). На «Полоске» — один, как перст. Впрочем, как в Ноевом ковчеге — есть всякая гадящая тварь, воющая, мяукающая, пишущая и кудахтающая. Энергии не хватило, чтобы всех покормить.

7 октября. Утром усиленная работа по сбору с огорода овощей (2 тачки свёклы, турнепса и капусты). Обычные сборы к отъезду. Получил чудес-

ную фотокарточку Илика. Днём была воздушная тревога. Вечером, из-за трамвайной аварии, вернулся на «Полоску» только в девятом часу. В доме совершенно пусто.

12 октября. С 2 до 8 часов — в пути в больницу Либкнехта (в следующий раз в понедельник 18 октября). Сильнейший, очень продолжительный артобстрел. Домой от Финляндского — пешком.

16 октября. Утром — один на «Полоске». Самообслуживание. С 1 часа до 3 — ГИДУВ. Начался обстрел, но я благополучно успел вернуться домой на трамвае. До поздней ночи — тяжёлый артобстрел. Вечером написал статью о Гигиеническом обществе.

1 ноября. Утром написал краткие биографические сведения о Боткине, к портрету его. Написал для стенгазеты о самостоятельной работе студентов. Во 2 ЛМИ был с 2 до 5 часов. В Бюро санит[арной] статистики — с 5 до 6 ч[асов]. Домой вернулся в полной темноте. Вечером света электрического не было, заниматься было невозможно. В темноте, без сна предавался безотрадным мыслям о всё более обездоливающей меня изоляции. Вокруг — безлюдье. При всей обывательщине С. И. Перкаля, в нём жили не только обломовские и чичиковские черты, но и благородные свойства интеллектуального работника. Он умел понимать и ценить оригинальные мысли и оригинальные проявления личности у людей. Об этом говорит и старательное, а отчасти любовное восстановление им интеллектуального облика и продукции мысли в целом ряде написанных им биографических очерков, которыми он постоянно был занят и всегда давал их мне на редакцию и для дополнения. Более 20 лет С. И. был постоянно «при мне», отчасти был своего рода мостом, через который выкатывались кое-какие мои мысли и доходили до меня иные суждения. Его не стало. Эта пустота не заполнена, так же как без всякого заполнения остаются места Андрея Григорьевича, Бориса Фёдоровича, Брауна, Круглякова, Зельдовича. Молодых всходов вокруг меня никаких нет. Личный друг — один единственный, но трудность сообщения и отдалённость делают общение несчастным.

15 декабря. 5½–7 часов — заседание Учёного совета 2 ЛМИ. Прекрасная диссертация об экспериментал[ьном] сифил[исе] (на кроликах)¹. Доклад самодовольной ограниченности (Мееровича) о впечатлениях от московских совещаний по здравоохранению. Не то Тартарен из Тараскона, не то герой Пиквикского клуба. И Капица. У Капицы совершенно верный взгляд: хотите подготовить из студентов самостоятельных работников, — избавьте от школярства. После заседания вышел в непроницаемую тьму. Пережил минуты совершенного отчаяния: не мог решиться, как и куда идти. Острое чувство полной ненужности, заброшенности, беспомощности. Со скоростью черепахи дополз до Пяти углов и на № 9 и затем 20 доехал до «Светланы». Добраться от «Светланы» до «Полоски» — целая сложная и мучительная эпопея. В совершенной темноте по скользким от гололедицы тропинкам, через грядки, спотыкаясь и падая, наконец, добрался домой.

¹ В 1940–1950-х проблема сифилиса в СССР была решена настолько кардинально, что преподаватели медвузов не всегда могли найти «настоящего» больного сифилисом, чтобы показать его студентам.

От напряжения при стремлении удержать равновесие и не свалиться в рытвину появилась невыносимая боль и судороги в мышцах. Может быть, от переохладения в нетопленной комнате во время заседания Учёного совета — сильные боли в пояснице, в плечах и суставах.

16 декабря. Состояние и самочувствие настолько тяжёлое, что не было уверенности, что смогу добраться на лекцию. Однако, пересиливая нестерпимые боли, по скользкой дороге, в 10 часов отправился к трамваю, а затем изрядное расстояние пешком до Лаборатории коммун[альной] гигиены на ул. Мира. Лекцию с 11 до 13 часов провёл без особых затруднений.

По телефону Зиночка сообщила о новых задержках в решении вопроса об издании книги моей о старости. Теперь какому-то новому Петрушке не нравятся таблицы. Это до такой степени надоело, что я по телефону просил кромсать сколько им захочется, в меру их глупости и заячьего испуга. Всё равно книга не выйдет. Явится ещё новый дурак, глупее предыдущего. Конца этому не видно. С большими болями добрался до № 30. Был в б[ольнице] Либкнехта. Из-за артобстрела домой попал только в половине 5 вечера.

17 декабря. Попробовал применить систему «клин клином вышибать»: невзирая на боли в пояснице носил и колол дрова. Боли намного усилились. Целый день домашнее прозябание в одиночестве. Самообслуживание. Сон с перерывами. Боли то усиливаются, то, как будто, немного легче. Самочувствие пакостное. Сильное общее недомогание. Целый день обстрел. Тяжела полная оторванность — без телефона, без радио.

18 декабря. С отчаянием и ужасом перед беспредельной человеческой презренной подлостью и низостью читал показания низведённых до уровня гадов немецких убийц (на Харьковском процессе). Прав Л. Н. Симановский, что назвать их зверями — значит оскорбить зверей. Звери, собаки — это образцы недостигаемо высокой нравственности по сравнению с ними, но как слабо написал об этом допросе Ал. Толстой. Неужели не найдётся достаточно знания и красок, чтобы заклеить на века эти Каиновы деяния перед всем человечеством. Удивительно, что на допросе не было задано ни одного вопроса для показа Каинова характера этих палачей. Слыхали ли они в детстве о том, что такое нравственный закон, слыхали ли, что было Христианство, Христово учение, что были Гёте, Шиллер, Л. Н. Толстой и пр.? Есть ли у них братья, сёстры, дети, мать? Шевельнётся ли у них какое-либо чувство или человеческий инстинкт при мысли, что их мать, их ребёнка убивают на краю могилы? Их ответы могли бы помочь поднять обвинение на высоту шекспировских трагедий, придать ему характер обвинительного приговора от лица человечества, его истории на протяжении тысячелетий.

19 декабря. Весь день, как и всю ночь, по временам очень интенсивный, но временами затихающий артобстрел города. Иногда дрожат стены, звенят стёкла.

28 декабря. Всё утро приводил в порядок хозяйство. Перенёс в кладовку дрова, очистил от лишних ящиков комнату, унёс мусор, нарастил снизу клетку для петуха и пр. Потом крайне тяжёлое путешествие. Обстрел. Ток выключен. Усталый, больной, подавленный вернулся по скользкой дороге в полной темноте домой.

30 декабря. Утром общее сильное недомогание. Редактировал статью. В Горздраве просматривал материалы о вензаболеваниях. На пути из Горздрава упал и сильно ушибся (позвоночник, крестец). У Екатерины Ильичны начал писать обзор демографических начальных материалов за годы войны. Артобстрел помешал отъезду. Только позднее уехал в Лесное. На «Полоске» был встречен обычным потоком незаслуженных упреков. Мучительно тяжело и обидно. Чувствую себя совсем больным. С усилием добрался в холодную нетопленную комнату. Впереди только такая безотрадная перспектива. Ночью написал текстовые обзоры за ноябрь и за 2-ю декаду декабря.

1944 г.

1 января. Новый год встретил у Зиночки на Михайловской. У меня тяжёлое недомогание. На душе буднично. Мои новогодние пожелания те же, что и в прошлом году: возврат к жизни, свободной от осады. Полное изгнание оккупантов, суровый суд над гитлеризмом и его носителями, а лично для меня: издание книги, свидание с Иликом, Лёлей и Лидинькой, сохранение работоспособности, летом побывать у Жени.

Просмотр записей в последней тетради за 1943 год оставляет впечатление бессилия моего выполнять задания, которые я перед собою ставлю. Из всей их массы всё же можно оставить в поле зрения некоторые и на 1944 год: 1. Использовать в качестве материала для отдельных статей дополнения к книге о старости (о Толстом, об изменении структуры причин смерти). 2. Написать о С. И. Перкале и организовать заседание, посвящённое его памяти, на кафедре. 3. Написать о значении режима занятости для больных (трудотерапия). 4. Написать «Благоустройство сельских лечебных учреждений». 5. Общий обзор (текст и графики) санитарно-демографических показателей по Ленинграду за 1940–1944 гг. 6. Состояние стационаров и стационарной помощи по отчётам больниц за 1943 г. и по однодневным учётам 1942–1944 гг. 7. Развернуть в текстовом обзоре материалы по истории организации здравоохранения, собранные мною на кафедре 2-го ЛМИ.

Задания ближайших дней: 1. Какой нарост тупого бессмысленного бюрократизма эта болотная тина никому ненужных анкет, переписка которых нагромождается и наваливается на ни в чём не повинных «граждан». 2. В тот же адрес написать «собственноручно» автобиографию. 3. Написать годовой отчёт за 1943 год по кафедре 2 ЛМИ, то же — по ГИДУВу.

Новый год начался для меня круто неблагоприятно: болезнь, сознание бессилия и неудач уже безнадежных с изданием книги, со всеми моими начинаниями.

2 января. У меня началась сильная боль в правом ухе. Боль стала непрерывной. Вспоминаю страдания Илика, а затем и операцию. Я на это не способен решиться. Всю ночь лихорадочная и ужасная боль. Мною полностью овладело ощущение тяжёлой болезни. Пульс 85–90.

3 января. Целый день в постели или на диване. Читать и писать трудно — конъюнктивит. Написал и передал на почту через Ел. Ал. письмо,

полное боли, тревоги, малодушия — Екат[ерине] Ильин[ичне]. Принимал для предотвращения менингитических явлений сульфидин и красный стрептоцид. Истопил печи. Зиночка осталась из-за меня на «Полоске». Её активная помощь и заботы наполняют меня признательностью. Она всегда так много делает для меня. Вторая половина ночи без сна. Состояние полудремоты. Унылые, не веселящие итоговые мысли. Возражать против конца права не имею — ведь уже 75-й год и всякая болезнь может рассматриваться как последняя.

4 января. Заботит мысль, как пройдёт заседание правления и Ленинградского отделения Гигиенического общества. Написал письмо Никитину. Попытался выполнить кое-какие меры по уборке комнаты, заправке печей. Ушли все. В доме я один. Пришибленный болезнью, слабостью. Совершенно неожиданно пришла Т. С. Соболева, узнавшая о моей болезни от Любочки. Пробыла часа два. Принесла два мандарина, хотела поработать по уборке квартиры, но я не допустил. Разговоры о делах кафедры и предстоящем сегодня заседании. Вечером приехала Зиночка. Принесла анкетные листы и запросы из Наркомздрава, сообщение о телефонном вызове в Горздрав (на 7 января). для получения грамоты Ленсовета. Рассказала о вялом ходе заседания правления и ЛОГО. Моё состояние не радостное. В ухе побаливает. Сильный звон и шум в ушах. Разбитость. Пульс 84–86.

6 января. Пульс утром 80, потом 86. Боли в ухе всё время не прекращаются. Состояние резко ухудшается при движении — заправке печи, уборке квартиры. Полное отчаяние: неужели поступать в госпиталь? Ни читать, ни писать — не в состоянии. С трудом просмотрел газету. Днём часто засыпал. На дворе бушует вьюга.

21 января. Ночь спал плохо от боли в ухе. Утром (7 часов) пульс 65. Прodelал весь круг по утренней уборке комнаты и заправке печей. Глухота на правое ухо полная. Не затихающее внутреннее переживание гаснущих для меня путей к общению и участию в жизни: пропадает способность слышать, почти уже до конца погасла возможность пользоваться зрением для чтения, а кругом волнуется, вздымается огонь жизни. Чудесное отражение её в письме Екатерины Ильиничны, но я, как оставшийся после костра пепел, хотя ещё и не остывший, хотя ещё с жаром внутри, под спудом, но без поднимающегося над костром для всех видимого пламени.

Утром написал наброски конспекта добавлений к автобиографии — догимназический и гимназический период. Вложил в общую папку автобиографических материалов. С 11 до 2 часов ходил в милицию заверять стандартную справку. Инцидент с желчным обывателем во время ожидания. Серая, примитивная «очередь». Встреча с бывшим дворником Сергеем, теперь Сергеем Ивановичем. У него своё хозяйство, застройщик 1927 г., корова, цветник, сад, ягодник и пр. Со мной эта болезнь за 20 дней сделала тяжёлое для меня дело — оглох, почти полная потеря зрения, одряхлел, ослабел.

Вечером совершенно неожиданно по почину Т. С. Соболевой и Матусевича пешком (на трамвае до «Светланы») пришёл проф. Хилов. Исследовал. Много хороших полезных советов. Бесконечно обязательный человек.

22 января. Несколько лучшее самочувствие. Была Т. С. Соболева. Очень много дружеского внимания и услуг. Через неё передал стандартную справ-

ку и мою жалобу в дирекцию 2-го ЛМИ. Вечером пришёл Е. Э. Бен. Нельзя достаточно найти слов, чтобы выразить моё искреннее чувство признательности ему за такое дружеское внимание. В беде познаётся друг, а он действительно в действиях, а не на словах друг. Я так мало успел ему выразить внимания и признательности.

Ночью вновь нестерпимая боль в ухе. Пришли перегруженные ношами Зиночка и Любочка. Как хотелось бы мне видеть Зиночку в условиях, достойных её энергии, неиссякаемых усилий, а тут — только неудачи.

29 января. Неожиданно из ГИДУВа приехала А. Ис. Привезла много радости. Хочется вернуться в число здоровых. Получил газеты за три дня. Наше продвижение до Сиверской, Ямбурга, Чудова. Город Пушкин — мёртвая заминированная пустыня.

Продолжал чтение диссертации А. П. Омельченко. Она интереснее и содержательнее, чем я ожидал. Но он всё же не гигиенист, не санитарный врач, а больше юрист; насколько, однако, он основательный юрист, это — вне моей компетенции. К этой области правовых выкладок и построений я всегда был и остаюсь «хладен и нем».

2 февраля. Ухо болит, но к этому я уже привык. Дело стабилизировалось. Ходил в лавку за хлебом. С ужасом увидел, как я ослабел — насквозь промок от пота. Закончил просмотр диссертации Омельченко. В общем, это разные материалы, не сведённые в стройное единое целое. Всё так же взбалмошно, как и их творец; остроумное слово им владеет, а не наоборот. Для красного словца не пожалеет и отца. Начал писать своё заключение.

4 февраля. Совсем привык к болям в ухе, глухоте, слабости, как, очевидно, привыкают к своей немощности инвалиды. В этом состоянии нужно, пренебрегая болями и недомоганиями, пустить себя в оборот с завтрашнего дня. Утром, оставаясь больным в постели, вспомнил периоды и разные стороны моей оставшейся позади жизни. Кажется, многое заслуживало бы записи или восстановления, пока не изгладилось и не стёрлось в памяти.

14 февраля. Утром был проф. К. Л. Хилев. Но меня больше, чем ухо, мучает радикулит. Повременная совершенно бездонная боль, обращающая меня в воющее животное. Ничто не помогает и если это такое состояние наступающего конца, то лучше не тянуть, хотя так хочется ещё знать ближайшие стадии мировых событий и видеть картину возрождения жизни у нас. Так хочется повидаться с Иликом, Лёлей, Лидиной, Женей. Написал и отправил им всем письма¹.

22 марта. С 9½ часов утра в Горздраве был в Бюро санит[арной] стат[истики], а затем осматривал выставку по военно-санитарному делу

---

¹ В одном из своих писем Евгения Григорьевна Левицкая сообщила Захарии Григорьевичу о том, что она получила из Остра письмо от дальней родственницы, в котором рассказывалось о последних днях жизни их сестёр — Веры Григорьевны и Софьи Григорьевны, которые оказались в оккупации. Вера Григорьевна заболела в 1941 и пролежала около года. Средств у них никаких не было, связь с родными, которые им помогали, прервалась. «Положение их было жуткое, — говорилось в письме. — После смерти Веры Григорьевны София Григорьевна тоже заболела и через два месяца умерла».

в Доме санитарной культуры. Оставляет смешанное чувство. Всё это красиво, но так мало вяжется с действительным положением. Нужно ли тратить столько средств и сил для красивого оформления? Чему должна учить и научить выставка? После осмотра выставки — поездка с нач[альником] Госсанинспекции для осмотра освобождённых от немцев мест. Удручает вид разгромленного Пулкова. Ужасны разрушения бывшей станции Александровка. Труд и созидательные творческие усилия поколений обращены в кучи развалин и хлама, в Детском Селе устояли только скелеты — стены, кое-где колонны архитектурных памятников. Всё вывезено, изломано, захламлено во дворцах. В Большом дворце, у церкви, — навоз от бывших здесь конюшен. Парки пострадали, но доступны восстановлению. Пока ещё не убраны мины. Нужно ли здесь восстанавливать жилфонд?

Омрачённое, близкое к отчаянию за человечество душевное состояние остаётся от всего этого зрелища безумных разрушений, от обращённых в мусор шедевров архитектурного искусства. ...Теперь совершенно очевидно при всяком направлении планировочных работ — восстановление, достройка зданий для их рационального использования: всё равно вода уже проведена, трамвай ходит, улица (Московское шоссе) замощена. Здесь должен при восстановлении остаться образец «линейной планировки».

Пушкин нужно восстанавливать под тем же углом, что и Московское шоссе, но самостоятельное значение Пушкина — это размещение в нём санаторно-курортных и некоторых научно-образовательных учреждений, устройство «городка для туберкулёзных» и др.

Первоочередные планировочные задачи в Ленинграде, однако, должны ни в какой мере не умаляться: рациональное использование территории центральных частей города, сосредоточение и окончание в кратчайшие сроки восстановительных благоустроит[ельных] работ здесь, в центре. Канализация центр[альных] районов; пустыри — обращать в скверы, под зелёные насаждения; упорядочение кварталов, внутренние зелёные резервы, обеспечение свободных пространств для детских, школьных, больничных и прочих учреждений; подвалы — ликвидировать, на 1 га — 750 жителей (самое большее 1 тыс.).

На этом я заканчиваю извлечения из моих записей в блокадных дневниках за 1941–1944 гг.

Дополнения к дневникам (1941–1945)

Приведённые в хронологической последовательности выдержки из более или менее случайных записей моих в дневниках периода блокады Ленинграда передают происшествия, обстановку и условия жизни того времени в том виде, как непосредственно тогда всё это воспринималось мною. В них были отражены впечатления, чувства, настроения, мысли, устремления и направления воли, которые тогда вызывались у меня условиями жизни — голодом, холодом, чувством оторванности от всей остальной страны, мас-